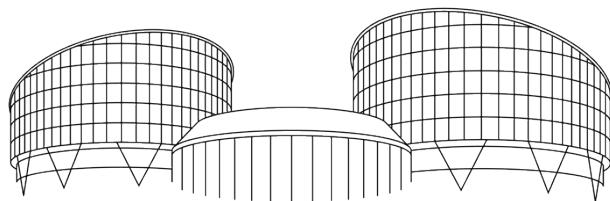

Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-127684>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО ЯНОВЕК И ДРУГИЕ против РОССИИ

(Заявки № 55508/07 и 29520/09)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 октября 2013 г.

В деле Яновец и другие против России,

Европейский суд по правам человека, заседаая в качестве Большой палаты
в составе:

Хосеп Касадеваль, *президент*,
Гвидо Раймонди,
Инета Зиемеле,
Изабель Берро-Лефевр,
Корнелиу Бирсан,
Пер Лоренцен,
Альвина Гюлумян,
Ханлар Гаджиев,
Драголюб Попович,
Луис Лопес Герра,
Кристина Пардалос,
Винсент А. Де Гаэтано,
Джулия Лаффранк,
Хелен Келлер,
Хелена Ядерблом,
Кшиштоф Войтычек,
Дмитрий Дедов, *судьям*

Эрик Фрайберг, *Регистратор*,

Совещаясь за закрытыми дверями 13 февраля и 5 сентября 2013 г.,
выносит следующее решение, принятое в последнюю указанную
дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по двум заявлениям (№№ 55508/07 и 29520/09).
против Российской Федерации, поданное в Суд в соответствии со
статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод
(«Конвенция») пятнадцатью гражданами Польши («заявители») 19
ноября 2007 г. и 24 мая 2009 г. соответственно.

2. Имена заявителей перечислены в пунктах 25-37 ниже. Они
живут в Польше и в Соединенных Штатах Америки. Интересы
заявителей г-на Яновца и г-на Трыбовски в Суде представлял г-н Й.
Шевчик, польский адвокат, практикующий в Варшаве. Других
заявителей представляли профессор И. Каминский из Института
юридических исследований, а также Р. Новосельский и Б. Сочанский,
польские юристы, практикующие в Гданьске и Щецине,
соответственно, а также Р. Карпинский и А. Ставицкая, российские
юристы, практикующие в Москве.

3. Правительство Российской Федерации («Правительство») было представлено Г-н Матюшкин Г., представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

4. Правительство Польши, которое вмешалось в дело в соответствии со статьей 36 § 1 Конвенции, сначала их представлял их представитель, г-н Й. Волонсевич из Министерства иностранных дел, а затем их сопредставитель, г-жа А. Менжиковска.

5. Жалобы были переданы в Пятую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). 7 октября 2008 г. и 24 ноября 2009 г. Председатель Секции принял решение уведомить о жалобах правительства России и Польши. Также было принято решение предоставить приоритет заявлениям в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда.

6. Решением от 5 июля 2011 года Суд объединил жалобы. Это также постановил приобщить к существу дела возражение правительства относительно юрисдикции Суда. *Рациональное время* в отношении жалобы в соответствии с процессуальной частью статьи 2 Конвенции, и объявил жалобы частично приемлемыми.

7. 16 апреля 2012 г. Палата Пятой секции в составе декана Шпильманн, президент, Карел Юнгвирт, Боштьян М. Зупанчич, Анатолий Ковлер, Марк Виллигер, Ганна Юдкивска и Анжелика Нуббергер, судьи, вынесли свое решение. Он установил четырьмя голосами против трех, что не может принять во внимание существо жалобы в соответствии со статьей 2 Конвенции; пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении десяти заявителей; и, единогласно, что не было нарушения этого положения в отношении других заявителей. Он также установил четырьмя голосами против трех, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства по статье 38 Конвенции.

8. 5 июля 2012 г. заявители ходатайствовали о передаче дела в Большую палату в соответствии со статьей 43 Конвенции и Правилom 73. 24 сентября 2012 г. коллегия Большой палаты удовлетворила ходатайство.

9. Состав Большой палаты был определен в соответствии с положениями статьи 26 §§ 4 и 5 Конвенции и правилom 24.

10. Заявители и Правительство подали меморандум перед Большой палатой.

11. Впоследствии Председатель Большой палаты разрешил следующие организации должны представить письменные комментарии в качестве третьих лиц в соответствии со статьей 36 § 2 Конвенции: Правовая инициатива открытого общества, Amnesty International и Группа международного публичного права и политики. Группа из трех неправительственных организаций – «Мемориал», Европейского центра защиты прав человека и Сети правосудия переходного периода – также получила разрешение на подачу совместного письменного заявления в качестве третьих лиц.

12. Слушание состоялось публично во Дворце прав человека, Страсбург, 13 февраля 2013 г. (Правило 59 § 3).

Перед судом предстали:

(а) для правительства-ответчика

Мистер Г. М. АТЮШКИН,

Мистер Н. М. ИХАЙЛОВ,

Мистер Р. С. МИРНОВ,

Агент,

Советники,

(б) для заявителей

Мистер Дж. С. ЗЕВЧИК,

Мистер И. К. АМИНСКИЙ,

Мистер Б. СОЧАНСКИЙ,

Советник,

(с) для польского правительства

Мистер РСЗПУНАР,

РС являюсьжиковская,

Мистер В. С. ЧАБАС,

Заместитель министра иностранных дел,

Соагент,

Советник.

Суд заслушал обращения г-на Шевчика, г-на Каминского и г-на Сочанского от имени заявителей, г-на Матюшкина от правительства-ответчика и г-жи Менжиковской от правительства Польши.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

13. Факты дела, представленные или не оспариваемые сторонами, могут можно резюмировать следующим образом.

Задний фон

14. 23 августа 1939 г. министры иностранных дел Советского Союза и Нацистская Германия подписала договор о ненападении (известный как «Пакт Молотова-Риббентропа»), который включал дополнительный секретный протокол, в соответствии с которым стороны договорились «по вопросу о границах их соответствующих сфер влияния в Восточной Европе». В частности, они пришли к следующему выводу:

«2. В случае территориально-политического переустройства территорий, принадлежащих Польскому Государству, сферы влияния Германии и СССР [Союза Советских Социалистических Республик] должны быть ограничены примерно линией рек Нарев, Висла и Сан. ».

15. 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу, начав Вторую Мировую войну. 17 сентября 1939 года Советская Красная Армия вошла на территорию Польши, якобы действуя для защиты украинцев и белорусов, проживающих в восточной части Польши, потому что Польское государство рухнуло под нападением Германии и больше не могло гарантировать безопасность своих собственных граждан. Польская армия не оказала военного сопротивления. СССР аннексировал территорию, недавно находившуюся под его контролем, и в ноябре 1939 года объявил, что 13,5 миллиона польских граждан, проживавших там, отныне являются советскими гражданами.

16. После наступления Красной Армии около 250 000 поляков были задержаны солдаты, пограничники, сотрудники полиции, тюремные охранники, государственные служащие и другие должностные лица. После того как они были разоружены, некоторые из них были отпущены на свободу; остальные были отправлены в специальные лагеря для военнопленных, созданные Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД), предшественником Комитета государственной безопасности (КГБ) в Козельске, Осташкове и Старобельске. 9 октября 1939 г. было принято решение о размещении польского офицерского корпуса в лагерях в Козельске и Старобельске, а остальных служащих, в том числе полицейских и тюремных надзирателей, — в Осташкове.

17. В начале марта 1940 года начальник НКВД Лаврентий Берия представил Генеральному секретарю ЦК КПСС Иосифу Сталину предложение одобрить расстрел польских военнопленных на том основании, что все они были «врагами советской власти, исполненными ненависти к советскому строю», которые «пытались продолжать свою контр[эволюционную] работу» и «вести антисоветскую агитацию». В предложении уточнялось, что в лагерях для военнопленных содержалось 14 736 бывших военных и полицейских, из которых более 97 процентов были поляками по национальности, и что еще 10 685 поляков содержались в тюрьмах западных районов Украины и Белоруссия.

18. 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК

Коммунистическая партия СССР рассмотрела это предложение и постановила следующее:

"Я. Поручает НКВД СССР следующее:

(1) дела 14 700 человек, оставшихся в лагерях для военнопленных (бывших офицеров польской армии, правительственных чиновников, помещиков, полицейских, агентов разведки, военной полиции, поселенцев и тюремных надзирателей),

(2) и дела лиц, арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, насчитывающих 11 000 человек (членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших офицеров Войска Польского, государственных служащих и беглых), подлежат рассмотрению в особом порядке с вынесением приговора в виде смертной казни – [расстрела] расстрелом.

II. Дела рассматривать без вызова задержанных и предъявления обвинений, без каких-либо заявлений об окончании следствия и предъявления им обвинительного заключения в следующем порядке:

а) лица, оставшиеся в лагерях для военнопленных: на основании сведений Управления по делам военнопленных НКВД СССР,

б) лица арестованные: на основании сведений, предоставленных НКВД Украинской ССР и НКВД Белорусской ССР».

Решение подписали Иосиф Сталин, Климент Ворошилов, Анастас Микоян, Вячеслав Молотов, Михаил Калинин и Лазарь Каганович.

19. Убийства происходили в апреле и мае 1940 г. Заключенные из Козельский лагерь был убит на месте под Смоленском, известном как Катынский лес; выходцы из Старобельского лагеря были расстреляны в Харьковской тюрьме НКВД и захоронены у д. Пятихатки; милиционеры из Осташкова были убиты в Калининской (ныне Тверской) тюрьме НКВД и похоронены в Медном. Обстоятельства расстрела заключенных из тюрем Западной Украины и Белоруссии до сих пор остаются неизвестными.

20. В 1942 и 1943 годах сначала польские железнодорожники, а затем немецкие Армия обнаружила массовые захоронения возле Катынского леса. Была создана международная комиссия, состоящая из двенадцати судебно-медицинских экспертов и их вспомогательного персонала из Бельгии, Болгарии, Хорватии, Дании, Финляндии, Франции, Венгрии, Италии, Нидерландов, Румынии, Словакии и Швеции. Эксгумационные работы проводились с апреля по июнь 1943 года. Были раскопаны останки 4243 польских офицеров, из которых 2730 опознаны. Комиссия пришла к выводу, что ответственность за резню несут советские власти.

21. В ответ советские власти возложили вину на Немцы, якобы захватившие, по версии Москвы, польских пленников и убившие их летом 1941 г. После освобождения Смоленского района Красной Армией в сентябре 1943 г. Бурденко, целью которого было собрать доказательства ответственности Германии за убийство польских офицеров. В своем коммюнике от 22 января 1944 г. Комиссия сообщила, что осенью 1941 г. немцы расстреляли пленников поляков.

22. В ходе судебного процесса над немецкими военными преступниками перед Международного военного трибунала катынские убийства были упомянуты в обвинительном акте как случай военного преступления (Обвинительный акт: раздел третий – военные преступления, раздел С (2)). 13 февраля 1946 г. заместитель Генерального прокурора СССР полковник Ю.В. Покровский предъявил подсудимым обвинение в расстреле 11 000 польских военнопленных осенью 1941 г., опираясь на доклад Чрезвычайной государственной комиссии (Суд над главными военными преступниками перед Международным военным трибуналом, том VII, стр. 425-27). Несмотря на возражения советских прокуроров против сбора устных показаний, 1 и 2 июля 1946 г. Трибунал заслушал показания трех свидетелей обвинения и трех свидетелей защиты (т. XVII, л. д. 270—371). В заключении суда ни слова о Катыни.

убийства производились либо в тексте приговора Международного военного трибунала, либо в особом мнении советского судьи.

23. 3 марта 1959 года Александр Шелепин, председатель КГБ, предложила Генеральному секретарю ЦК КПСС Никите Хрущеву уничтожить документы о расстреле польских военнопленных:

«С 1940 г. в Комитете государственной Совет Министров СССР. На основании решений, принятых спецслужбами НКВД СССР. *тройка* Всего было расстреляно 21 857 человек, из них 4 421 человек в Катынском лесу (Смоленский район), 3 820 человек в Старобельском лагере под Харьковом, 6 311 человек в Осташковском лагере (Калининский район) и 7 305 человек в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Белоруссии.

Вся операция по ликвидации вышеуказанных лиц была проведена на основании постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 г.... С момента проведения указанной операции следует, что с 1940 года никому не сообщалось никакой информации, касающейся этого дела, и все 21 857 файлов хранились в запечатанном месте.

Ни один из этих файлов не представляет оперативной или исторической ценности для советских органов. Крайне сомнительно также, чтобы они представляли реальную ценность для наших польских друзей. Наоборот, непредвиденное происшествие могло привести к раскрытию операции со всеми нежелательными последствиями, которые повлекли бы за собой для нашей страны, тем более, что в отношении лиц, расстрелянных в Катынском лесу, официальная версия подтверждена проведенным расследованием по инициативе советских властей в 1944 году...

На основании изложенного представляется целесообразным уничтожить все записи о лицах, расстрелянных в 1940 г. в ходе указанной операции... Отчеты о заседаниях НКВД СССР *тройка* приговоре этих лиц к расстрелу, а также документы об исполнении этого постановления могли быть сохранены».

24. Остальные документы были помещены в специальную папку, известную как «Пакет №. 1», доступ к которому имел только Генеральный секретарь ЦК КПСС. 28 апреля 2010 г. его содержание было официально обнародовано на сайте Российского государственного архива. В деле находились следующие исторические документы: предложение Берии от 5 марта 1940 г., решение Политбюро от того же числа, вырванные страницы из протокола заседания Политбюро и записка Шелепина от 3 марта 1959 г.

В. Заявители и их отношения с потерпевшими

1. Заявители по делу №. 55508/07

25. Первый заявитель, г-н Ежи-Роман Яновец, родился в 1929 году. является сыном г-на Анджея Яновца, 1890 года рождения, который до Второй мировой войны был лейтенантом польской армии.

26. Второй заявитель, г-н Антони-Станислав Трыбовский, родился в г. 1940 г. Он внук г-на Антония Навратила, 1883 г.р., подполковника польской армии.

27. Г-н Анджей Яновец и г-н Антони Навратил были задержаны. военнопленный во время советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года и отправлен в Старобельский лагерь в СССР. Среди заключенных в лагере г-н Яновец числился заключенным №1. 3914 и г-н Навратил в качестве заключенного № 3914. № 2407. Впоследствии они были переведены в тюрьму в Харькове и расстреляны в апреле 1940 г.

2. Заявители по делу №. 29520/09

28. Первый и второй заявители, Витомила Волк-Езерская и Г-жа Ойкумила Волк родилась соответственно в 1940 и 1917 годах. Они являются дочерью и женой г-на Винцентия Волка, 1909 года рождения, который до Второй мировой войны был лейтенантом тяжелой артиллерийской части польской армии. Попал в плен Красной Армией в ночь на 19 сентября 1939 г. и содержался в Козельском спецлагере (числится на позиции 3 в депешах НКВД 052/3 от апреля 1940 г.). Убит 30 апреля 1940 г., похоронен в Катыни. Его тело было опознано при эксгумации 1943 г. (№ 2564).

29. Третий заявитель, г-жа Ванда Родович, родилась в 1938 году. внучка господина Станислава Родовича, 1883 года рождения, офицера запаса польской армии. Был взят в плен Красной Армией на границе с Венгрией около 20 сентября 1939 г. и содержался в Козельском спецлагере (числится под номером 94 списка 017/2). Он был убит и похоронен в Катыни. Его тело было опознано при эксгумации 1943 г. (№ 970).

30. Четвертый заявитель, г-жа Халина Михальская, родилась в 1929 г. умерла в 2012 г. Она была дочерью г-на Станислава Узембло, 1889 г.р. Офицер польской армии г-н Узембло был взят в плен советскими войсками под Белостоком, Польша, и содержался в специальном лагере НКВД в Старобельске (позиция 3400). Предположительно убит в Харькове и похоронен в Пятихатках под Харьковом (ныне Украина).

31. Пятый заявитель, г-н Артур Томашевский, родился в 1933 году. сын г-на Шимона Томашевского, 1900 года рождения. Отец пятого заявителя, командир полицейского участка на польско-советской границе в Кобыле, был арестован там советскими войсками и доставлен в специальный лагерь НКВД в Осташкове (позиция 5 в списке 045/3). Убит в Твери, похоронен в Медном.

32. Шестой заявитель, г-н Ежи Лех Велебновски, родился в 1930 году. Его отец, г-н Александр Велебновски, 1897 года рождения, был офицером полиции, работавшим в Луцке на востоке Польши. В октябре 1939 г. арестован советскими войсками и помещен в Осташковский лагерь (позиция 10 по списку 033/2). Убит в Твери, похоронен в Медном.

33. Седьмой заявитель, г-н Густав Эршар, родился в 1935 году. отец, г-н Стефан Эрхард, 1900 года рождения, был директором начальной школы в Рудке, Польша. Был арестован советскими властями и содержался в Старобельском лагере (позиция 3869). Предположительно убит в Харькове и похоронен в Пятихатках.

34. Восьмой и девятый заявители, Ежи Кароль Малевич и Г-н Кшиштоф Ян Малевич, 1928 и 1931 г.р. соответственно, являются сыновьями г-на Станислава Августа Малевича. Девятый заявитель умер в 2011 году. Их отец родился в 1889 году и служил врачом в польской армии. Был взят в плен под Ровно, Польша, содержался в Старобельском лагере (позиция 2219). Предположительно убит в Харькове и похоронен в Пятихатках.

35. Десятый и одиннадцатый заявители, Кристина Кшишковяк и Г-жа Ирена Эрхард, родившаяся в 1940 и 1936 годах соответственно, является дочерью г-на Михала Адамчика. Родился в 1903 году, был начальником Сарнакского полицейского участка. Был арестован советскими войсками, содержался в Осташковском лагере (позиция 5 списка 037/2), убит в Твери и похоронен в Медном.

36. Двенадцатый заявитель, Кристина Мещанковская, 1930 г.р., дочь господина Станислава Мелецкого. Ее отец, польский офицер, родился в 1895 году и после ареста советскими войсками содержался в Козельском лагере. Убит и похоронен в Катыни; его тело было опознано во время эксгумации 1943 года.

37. Тринадцатый заявитель, г-н Кшиштоф Романовский, 1953 г.р., является племянником г-на Рышарда Жолендзиовского. Г-н Жолендзёвский, 1887 г.р., содержался в Старобельском лагере (позиция 1151), предположительно убит в Харькове и похоронен в Пятихатках. Список заключенных Старобельска с его именем был извлечен из кармана пальто польского офицера, останки которого с огнестрельными ранениями головы были извлечены во время совместной польско-российской эксгумации под Харьковом в 1991 году.

С. Следствие по уголовному делу №. 159

38. 13 апреля 1990 г. во время визита президента Польши Войцеха Ярузельского в Москву Президент СССР Михаил Горбачев передал ему документы, касающиеся Катынского расстрела. Официальное информационное агентство СССР опубликовало коммюнике, в котором на основании вновь обнаруженных архивных материалов утверждалось, что «Берия, Меркулов и их подчиненные несут прямую ответственность за преступление, совершенное в Катынском лесу».

39. 22 марта 1990 г. Харьковская областная прокуратура открыла уголовное расследование происхождения массовых захоронений, обнаруженных в районе Лесопарк города. 6 июня 1990 года Калининская (Тверская) прокуратура возбудила уголовное дело по факту «исчезновения» (*исчезновение*) в мае 1940 г. польских военнопленных, находившихся в НКВД

лагерь в Осташкове. 27 сентября 1990 года Харьковское следствие под номером 159 было передано в ведение Главной военной прокуратуры СССР группе военных прокуроров.

40. Летом и осенью 1991 г. польские и российские специалисты проведены эксгумации трупов на местах массовых захоронений в Харькове, Медном и Катыни. Они также изучили архивные документы, касающиеся Катынского расстрела, опросили не менее сорока свидетелей и заказали судебно-медицинские экспертизы.

41. 14 октября 1992 г. президент России Борис Ельцин раскрыл что польские офицеры приговорены к смертной казни Сталиным и Политбюро КПСС. Директор Российского государственного архива передал польским властям ряд документов, в том числе постановление от 5 марта 1940 г. Во время официального визита в Польшу 25 августа 1993 г. президент Ельцин отдал дань памяти жертвам перед Катынским крестом в Варшава.

42. В конце мая 1995 г. прокуроры Беларуси, Польши, России и Украина провела рабочее совещание в Варшаве, в ходе которого рассмотрела ход расследования по делу №. 159. Участники согласились, что российские прокуроры обратятся к своим белорусским и украинским коллегам за юридической помощью для установления обстоятельств казни 7 305 польских граждан в 1940 году.

43. 13 мая 1997 г. белорусские власти уведомили коллегам, что им не удалось обнаружить каких-либо документов, касающихся расстрела польских военнопленных в 1940 г. В 2002 г. украинские власти предъявили документы о переводе польских военнопленных из Старобельского лагеря в тюрьму НКВД в Харьковской области.

44. В 2001, 2002 и 2004 годах президент Польского института «Национальная память» («ИНР») неоднократно, но безуспешно связывалась с Главной военной прокуратурой России с целью получения доступа к материалам расследования.

45. 21 сентября 2004 г. Главная военная прокуратура постановил прекратить уголовное дело №. 159, по-видимому, на том основании, что лица, предположительно виновные в совершении преступления, уже умерли. 22 декабря 2004 г. Межведомственная комиссия по защите государственной тайны классифицировала 36 томов дела — из 183 томов — как «совершенно секретно», а еще восемь томов — как «только для внутреннего пользования». . Постановлению о прекращении расследования был присвоен гриф «совершенно секретно», и о его существовании стало известно только 11 марта 2005 г. на пресс-конференции Главного военного прокурора.

46. В дополнение к запросу Суда о предоставлении копии решения 21 сентября 2004 г. Правительство России отказалось производить его, сославшись на его секретность. Из доводов властей Российской Федерации следует, что расследование было прекращено на основании статьи 24 § 4 (1) Уголовно-процессуального кодекса в связи со смертью подозреваемых.

47. С 9 по 21 октября 2005 г. трое прокуроров ИНР по расследованию катынского расстрела и по приглашению Главной военной прокуратуры Москву посетил главный специалист Центральной комиссии по расследованию преступлений против польского народа. Они исследовали шестьдесят семь томов дела №. 159, которые не были засекречены, но не имели права делать копии.

48. 8 мая 2010 г. Президент России Дмитрий Медведев предоставил Спикер польского парламента с шестьюдесятью семью томами материалов катынского следствия. Всего, по информации, представленной польским правительством, российские власти передали им заверенные копии 148 томов, содержащих около 45 000 страниц.

D. Производство по заявке №. 55508/07

49. В 2003 г. г-н Шевчик – польский адвокат, нанятый первым заявителем (г-н Яновец) и мать второго заявителя (г-н Трыбовски) обратились к Генеральному прокурору Российской Федерации с просьбой предоставить документы, касающиеся г-на Анджея Яновца, г-на Антония Навратила и третьего лица.

50. 23 июня 2003 г. Генеральная прокуратура ответила на адвоката, сообщив ему, что Главная военная прокуратура расследует уголовное дело о расстреле польских офицеров в 1940 году. и г-н Яновец. Их имена также были обнаружены в списках узников Старобельского лагеря. Любые дальнейшие документы, касающиеся их, были предварительно уничтожены.

51. 4 декабря 2004 г. г-н Шевчик официально Военной прокуратуре признать права г-на Яновца и г-на Трыбовского как родственников казненных польских офицеров и предоставить им копии процессуальных документов, а также личных документов, касающихся г-на Антония Навратила и г-на Анджея Яновца.

52. 10 февраля 2005 г. Главная военная прокуратура ответила что г-н Антони Навратил и г-н Анджей Яновец числятся среди узников Старобельского лагеря, расстрелянных в 1940 году органами НКВД и похороненных под Харьковом. Никаких дополнительных материалов, касающихся этих лиц, не имелось. Копии процессуальных документов могли выдаваться только официально признанным потерпевшим или их представителям.

53. Впоследствии заявители г-н Яновец и г-н Трыбовски воспользовался услугами российского адвоката г-на Бушуева, который обратился в Главную военную прокуратуру за разрешением на ознакомление с материалами дела. 7 ноября 2006 г. Главная военная прокуратура сообщила ему, что ему не будет разрешен доступ к делу, поскольку его клиенты официально не признаны потерпевшими по делу.

54. Адвокат подал апелляционную жалобу на главнокомандующего Отказы прокуратуры от 10 февраля 2005 г. и 7 ноября 2006 г. Он утверждал, в частности, что статус потерпевшего от уголовного преступления должен определяться со ссылкой на фактические обстоятельства, такие как факт причинения данному лицу вреда в качестве результат правонарушения. С этой точки зрения решение следователя о признании кого-либо потерпевшим следует рассматривать как формальное признание таких фактических обстоятельств. Адвокат добивался признания заявителей г-на Яновца и г-на Трыбовски потерпевшими и предоставления им доступа к материалам дела.

55. 18 апреля 2007 г. Военный суд Московского командования отклонил жалобу. Он отметил, что, хотя г-н Антони Навратил и г-н Анджей Яновец числились среди заключенных Старобельского лагеря, их останки не были среди останков, опознанных следствием. Соответственно, по мнению Военного суда, не было законных оснований предполагать, что они погибли в результате рассматриваемого правонарушения. Что касается материалов дела, Военный суд отметил, что постановление о прекращении уголовного дела от 21 сентября 2004 г. было объявлено государственной тайной и по этой причине иностранные граждане не могли получить к нему доступ.

56. 24 мая 2007 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе это решение по апелляции, дословно воспроизведя доводы Военного суда.

Е. Производство по заявке №. 29520/09

57. 20 августа 2008 г. группа адвокатов, представляющих интересы заявителей, подали судебную жалобу на постановление прокуратуры от 21 сентября 2004 г. Они утверждали, что родственники заявителей были среди заключенных в тюрьму польских офицеров, расстрел которых был произведен по приказу Политбюро Коммунистической партии СССР 5 марта 1940 г. Однако заявители не был присвоен статус потерпевшего по делу №. 159 и не мог подавать ходатайства или ходатайства, иметь доступ к материалам дела и получать копии решений. Адвокаты также утверждали, что расследование было неэффективным, поскольку не было предпринято никаких попыток взять у заявителей биологические образцы для идентификации эксгумированных человеческих останков.

58. 14 октября 2008 г. Военный суд Московского командования отклонил апелляцию. Было установлено, что в 1943 году Международная комиссия и Техническая комиссия Польского Красного Креста раскопали останки, а затем перезахоронили их, не опознав тела и не подсчитав их. Последующие раскопки в 1991 году выявили только двадцать два человека, и родственники заявителей не были среди опознанных. Военный суд признал, что имена родственников заявителей были внесены в списки НКВД по Осташковскому, Старобельскому и

Козельские лагеря; однако «катынское расследование... не установило судьбы указанных лиц». Поскольку их тела не были опознаны, не было доказательств того, что родственники заявителей погибли в результате преступления злоупотребления властью (статья 193-17 Уголовного кодекса СССР 1926 г.), упомянутого в постановлении 21 Сентябрь 2004 г. Соответственно, не было оснований для признания заявителей потерпевшими в соответствии со статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, секретные материалы не могли быть доступны «представителям иностранных государств».

59. Адвокаты подали апелляционную жалобу, в которой утверждали, что отсутствие информации о судьбе родственников заявителей явилось результатом неэффективного расследования. Двадцать два человека были идентифицированы только на основании военных жетонов, обнаруженных в местах захоронений, и следователи не предпринимали никаких мер и не назначали судебно-медицинских экспертиз для установления эксгумированных останков. Кроме того, общеизвестно, что при раскопках 1943 года были обнаружены останки 4243 человек, из которых 2730 человек были опознаны. Среди опознанных было трое лиц, чьи родственники были потерпевшими в ходе судебного разбирательства. Присвоение заявителям статуса потерпевших позволило бы идентифицировать останки с использованием генетических методов. Окончательно,

60. 29 января 2009 г. Верховный Суд Российской Федерации полностью оставил в силе решение от 14 октября 2008 г. Он дословно повторил обширные отрывки из выводов Московского военного суда, но также добавил, что решение от 21 сентября 2004 г. не может быть отменено в связи с истечением срока давности и в связи с тем, что производство в отношении некоторых подозреваемых было прекращено «по реабилитационным основаниям». ».

Г. Производство по рассекречиванию решения от 21 сентября 2004 г.

61. 26 марта 2008 г. «Мемориал», российская общественная правозащитная организация обратилась в Главную военную прокуратуру с заявлением о рассекречивании постановления от 21 сентября 2004 года. В своем ответе от 22 апреля 2008 г. прокуратура сообщила «Мемориалу», что не правомочна отменять гриф секретности, утвержденный 22 декабря 2004 г. Межведомственной комиссией по защите государственной тайны («Комиссия»).

62. 12 марта 2009 г. «Мемориал» обратился в Комиссию по о рассекречивании постановления от 21 сентября 2004 г., в котором утверждалось, что засекречивание материалов катынского расследования было морально и юридически неприемлемым, а также нарушало статью 7 Уголовного кодекса.

Закон о государственной тайне, исключавший засекречивание любой информации о нарушениях прав человека. Письмом от 27 августа 2009 г. Комиссия ответила «Мемориалу», что их заявление рассмотрено и отклонено, но не предоставила дополнительных подробностей.

63. «Мемориал» обжаловал отказ Комиссии в Московском Городской суд. В судебном заседании 13 июля 2010 г. суд зачитал письмо Комиссии от 25 июня 2010 г. на имя председательствующего. В письме указывалось, что 22 декабря 2004 года Комиссия не принимала решения о засекречивании решения Главной военной прокуратуры от 21 сентября 2004 года.

64. После закрытого заседания Московский городской суд отклонил Заявление «Мемориала» о рассекречивании от 2 ноября 2010 г., в котором, в частности, установлено следующее:

«Судом установлено, что 21 сентября 2004 года Главная военная прокуратура вынесла постановление о прекращении уголовного дела, возбужденного 22 марта 1990 года Харьковской областной прокуратурой Украинской ССР [Советской Социалистической Республики] в связи с обнаружением останков поляков в лесной зоне Харькова...

Следствие квалифицировало действия ряда названных высокопоставленных должностных лиц СССР как злоупотребление властью с особо отягчающими обстоятельствами по статье 193-17 (б) УК РСФСР. Уголовное дело в отношении этих должностных лиц было прекращено на основании части 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в связи со смертью виновных лиц). Дело в отношении остальных было прекращено на основании статьи 24 § 1 (2) (уголовного преступления не было).

Главная военная прокуратура направила проект постановления о прекращении уголовного дела в Федеральную службу безопасности для экспертизы на предмет наличия в нем конфиденциальной или секретной информации по смыслу статьи 9 Закона о государственной тайне, поскольку Федеральная служба безопасности имела право распоряжаться сведениями, воспроизведенными в постановлении Главной военной прокуратуры, по своему усмотрению.

Экспертная комиссия Федеральной службы безопасности установила, что в проекте постановления Главной военной прокуратуры содержатся нерассекреченные сведения. Кроме того, комиссия указала, что проект решения содержал информацию, доступ к которой был ограничен...

21 сентября 2004 г. должностное лицо Главной военной прокуратуры вынесло постановление о прекращении уголовного дела №. 159. В свете вышеупомянутых выводов Федеральной службы безопасности и на основании статьи 5 § 4 (2, 3) и статьи 8 Закона о государственной тайне и пункта 80 Указа Президента №. Приказом Главной военной прокуратуры от 30 ноября 1995 г. N 1203 документу был присвоен гриф "совершенно секретно"... Соответственно, правовых оснований для удовлетворения ходатайства "Мемориала" о признании незаконным и необоснованным постановления Главной военной прокуратуры о засекречивании постановления от 21 сентября 2004 г. нет...

Поскольку заявитель утверждал, что сведения о нарушениях закона государственными органами или должностными лицами не могут быть объявлены государственной тайной или засекречены в соответствии со статьей 7 Закона о государственной тайне, этот довод необоснован, поскольку решение Главной военной прокуратуры от 21 сентября 2004 г.

сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, составляющие в соответствии со статьей 4 Закона о государственной тайне государственную тайну...»

65. 26 января 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил жалобу, поданную «Мемориалом» на решение городского суда.

Г. Производство по «реабилитации» родственников заявителей

66. Большинство заявителей неоднократно обращались в различные российские властям, в первую очередь Главной военной прокуратуре, для получения информации о расследовании уголовного дела в Катynie и для «реабилитации» их родственников в соответствии с положениями Закона о реабилитации 1991 года (см. пункт 86 ниже).

67. Письмом от 21 апреля 1998 г., направленным в ответ на реабилитацию запроса г-жи Ойкумилы Волк, Главная военная прокуратура подтвердила, что ее муж, г-н Винценты Волк, содержался в качестве военнопленного в лагере Козельск, а затем был казнен вместе с другими заключенными весной 1940 года. В письме говорилось, что ее заявление о реабилитации будет рассмотрено только после завершения уголовного расследования.

68. После прекращения расследования по делу №. 159, 25 октября 2005 г. г-жа Витомила Волк-Езерска запросила в Главной военной прокуратуре копию постановления о прекращении расследования. Письмом от 23 ноября 2005 г. прокуратура отказала в его предоставлении, сославшись на гриф секретности постановления. 8 декабря 2005 г. посольство Польши в Москве обратилось в прокуратуру за разъяснениями относительно реабилитации г-на Волка. В письме от 18 января 2006 г. прокуратура выразила мнение об отсутствии законных оснований для реабилитации г-на Волка или других польских граждан, поскольку следствие не установило, какое положение Уголовного кодекса 1926 г. послужило основанием для репрессий, которым они подвергались. В письме с аналогичной формулировкой от 12 февраля 2007 г. было отказано в дальнейшем запросе г-жи Волк на тот же счет.

69. 13 марта 2008 г. Главная военная прокуратура отклонила Ходатайство о реабилитации, поданное адвокатом от имени всех заявителей. Прокурор заявил, что правовую основу репрессий, которым были подвергнуты польские граждане в 1940 г., установить не удалось. Несмотря на наличие документов, свидетельствующих о переводе родственников заявителей из лагерей НКВД в Остакове, Козельске и От Старобельска до Калинина, Смоленска и Харькова совместными усилиями белорусских, польских, российских и украинских следователей не было обнаружено никаких уголовных дел или других документов, касающихся их уголовного преследования в 1940 году. Применяется Закон о реабилитации. Более того,

прокурор заявил, что останки родственников заявителей не были обнаружены среди человеческих останков, обнаруженных в ходе эксгумационных работ.

70. Адвокат обжаловал отказ прокурора в судебном порядке.

71. 24 октября 2008 г. Хамовнический районный суд г.

Москва отклонила апелляцию. Хотя суд подтвердил, что имена родственников заявителей значились в списках заключенных НКВД, он указал, что в результате эксгумаций, проведенных в рамках дела №1, было опознано только двадцать тел. 159 и что родственники заявителей не были среди опознанных. Кроме того, суд установил, что не было никаких оснований предполагать, что десять польских военнопленных (родственников заявителей) были действительно убиты, и что российские адвокаты не имели юридического интереса в реабилитации польских граждан.

72. 25 ноября 2008 г. Московский городской суд отклонил, в целом, моде, апелляционная жалоба на решение районного суда.

3. Заявление российской Думы по катынской трагедии

73. 26 ноября 2010 г. Государственная Дума, нижняя палата Российский парламент принял заявление «О катынской трагедии и ее жертвах», в котором, в частности, говорилось следующее:

«Семьдесят лет назад были расстреляны тысячи польских граждан, содержащихся в лагерях для военнопленных НКВД СССР и тюрьмах западных областей УССР и Белорусской ССР.

Ответственность за это злодеяние, получившее собирательное название катынской трагедии, официальная советская пропаганда возлагала на нацистских преступников... В начале 1990-х годов наша страна сделала большие шаги на пути к установлению правды о катынской трагедии. Было признано, что массовое уничтожение польских граждан на территории СССР во время Второй мировой войны было актом произвола тоталитарного государства...

Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только демонстрируют масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют о том, что катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей...

Копии многих документов, хранившихся в закрытых архивах Политбюро Коммунистической партии Советского Союза, уже переданы польской стороне. Депутаты Государственной Думы считают, что эту работу необходимо продолжать. Необходимо продолжить изучение архивов, сверку списков погибших, восстановление добрых имен погибших в Катыни и других местах, раскрытие обстоятельств трагедии...»

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

A. Гагская конвенция IV

74. Гагская конвенция (IV) о законах и обычаях

Сухопутная война от 18 октября 1907 г. («Гагская конвенция (IV) 1907 г.») и, в частности, приложение к ней, Положение о законах и обычаях сухопутной войны, предусматривает следующее:

"Искусство. 4. Военнопленные находятся во власти враждебного правительства, а не отдельных лиц или корпусов, захвативших их.

К ним нужно относиться по-

человечески. . . .

Искусство. 23. Помимо запретов, предусмотренных специальными конвенциями, особо запрещается

...

b) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к враждебной нации или армии;

c) убить или ранить противника, который, сложив оружие или не имея более средств защиты, сдался по своему усмотрению;

...

Искусство. 50. Никакое общее наказание, денежное или иное, не может применяться к населению в связи с действиями отдельных лиц, за которые они не могут считаться солидарно ответственными».

B. Женевская конвенция

75. Женевская конвенция об обращении с заключенными

Война 27 июля 1929 г. («Женевская конвенция 1929 г.») предусматривала следующее:

"Искусство. 2. Военнопленные находятся во власти враждебного правительства, но не отдельных лиц или отрядов, захвативших их.

С ними следует всегда обращаться гуманно и защищать их, особенно от актов насилия, оскорблений и общественного любопытства.

Меры расправы над ними запрещены. . . .

Искусство. 61. Ни один военнопленный не может быть осужден, если ему не будет предоставлена возможность защитить себя.

Ни один заключенный не может быть принужден признать себя виновным в преступлении, в котором его обвиняют.

...

Искусство. 63. Приговор в отношении военнопленных выносится только теми же судами и в соответствии с той же процедурой, что и в отношении лиц, принадлежащих к вооруженным силам держащей в плену державы».

С. Устав Международного военного трибунала

76. Статья 6 Устава (Устава) Международного военного Трибунала (Нюрнбергский трибунал), созданный во исполнение соглашения, подписанного 8 августа 1945 года правительствами Соединенных Штатов Америки, Франции, Великобритании и СССР, содержал следующее определение преступлений:

«...

Следующие деяния или любые из них являются преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Трибунала, за которые несут индивидуальную ответственность:

(а)**преступления против мира**а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре для осуществления любого из вышеперечисленного;

(б)**военные преступления**а именно, нарушения законов или обычаев войны. Такие нарушения включают, но не ограничиваются, убийством, жестоким обращением или депортацией на рабский труд или для любых других целей гражданского населения оккупированной территории или на оккупированной территории, убийством или жестоким обращением с военнопленными или лицами на море, убийство заложников, разграбление государственного или частного имущества, бессмысленное разрушение городов, поселков или сел либо опустошение, не оправданное военной необходимостью;

(с)**преступления против человечества**а именно: убийства, истребление, порабощение, депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения до или во время войны; или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в связи с совершением любого преступления, подпадающего под юрисдикцию Трибунала, независимо от того, нарушает ли он внутреннее законодательство страны, где оно было совершено.

...”

77. Впоследствии это определение было кодифицировано как Принцип VI в Принципы международного права, признанные в Уставе Нюрнбергского трибунала и в решении Трибунала, сформулированные Комиссией международного права в 1950 году в соответствии с резолюцией 177 (II) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и подтвержденные Генеральной Ассамблеей.

D. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества

78. Конвенция о неприменении сроков давности к

Военные преступления и преступления против человечности (26 ноября 1968 г.), участником которого является Российская Федерация, предусматривает, в частности, следующее:

Статья I

«Срок давности не применяется к следующим преступлениям, независимо от даты их совершения:

а) Военные преступления, как они определены в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге от 8 августа 1945 года и подтверждены резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Объединенные народы ...

б) преступления против человечности, совершенные во время войны или в мирное время, как они определены в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге от 8 августа 1945 года и подтверждены резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95. (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций...»

Статья IV

«Государства-участники настоящей Конвенции обязуются принимать в соответствии со своими соответствующими конституционными процедурами любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы законодательные или иные ограничения не применялись к уголовному преследованию и наказанию за преступления, указанные в статьях I и II настоящей Конвенции, и что там, где они существуют, такие ограничения должны быть отменены».

Е. Венская конвенция о праве международных договоров

79. Венская конвенция о праве международных договоров (23 мая 1969 г.)

участником которого является Российская Федерация, предусматривает следующее:

Статья 26***Pacta sunt servanda***

«Каждый действующий договор является обязательным для его участников и должен ими добросовестно выполняться».

Статья 27**Внутреннее право и соблюдение договоров**

«Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора. ...»

Статья 28**Отсутствие обратной силы договоров**

«Если иное намерение не вытекает из договора или не установлено иным образом, его положения не имеют обязательной силы для какой-либо стороны в отношении какого-либо действия или факта, имевших место, или любой ситуации, прекратившей свое существование до даты вступления в силу договора с уважение к этой партии».

Ф. Международный пакт о гражданских и политических правах

80. Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. («Пакт»), стороной которого является Российская Федерация, гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. В частности, никто не может без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным экспериментам».

81. Замечание общего порядка Комитета ООН по правам человека.

№ 31 [80]: Природа общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, принятое 29 марта 2004 года (2187-е заседание), гласит следующее:

«4. Обязательства по Пакту в целом и по статье 2 в частности обязательны для всех государств-участников в целом. Все ветви власти (исполнительная, законодательная и судебная), а также другие государственные или правительственные органы на любом уровне — национальном, региональном или местном — могут взять на себя ответственность государства-участника. Исполнительная власть, которая обычно представляет государство-участник на международном уровне, в том числе в Комитете, не может указывать на тот факт, что действие, несовместимое с положениями Пакта, было совершено другой ветвью власти в качестве средства освобождения государства-участника от ответственности за действия и последующей несовместимости. Это понимание вытекает непосредственно из принципа, содержащегося в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров, в соответствии с которым государство-участник «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора». ...»

82. На своем заседании 3 апреля 2003 г. Комитет по правам человека учрежденное в соответствии со статьей 28 Пакта, после рассмотрения Обращения № 886/1999, поданного от имени г-жи Натальи Щедко и г-на Антона Бондаренко против Беларуси, высказали следующие мнения:

«10.2 Комитет отмечает, что утверждение автора о том, что ее семья не была проинформирована ни о дате, ни о часе, ни о месте казни ее сына, ни о точном месте последующего захоронения ее сына, осталось без возражений. В отсутствие каких-либо возражений против этого заявления со стороны государства-участника и при отсутствии любой другой соответствующей информации от государства-участника о практике приведения в исполнение смертных приговоров утверждению автора следует уделить должное внимание. Комитет с пониманием относится к продолжающимся страданиям и психическому напряжению, причиняемым автору как матери осужденного заключенного в связи с сохраняющейся неопределенностью обстоятельств, приведших к его казни, а также местонахождения его могилы. Полная секретность вокруг даты казни, а место захоронения и отказ передать тело для захоронения запугивают или наказывают семьи, преднамеренно оставляя их в состоянии неопределенности и душевного расстройства. Комитет считает, что первоначальный отказ властей уведомить автора о запланированной дате казни ее сына и их последующее упорное неуведомление о местонахождении могилы ее сына равносильно бесчеловечному обращению с автором в нарушение статьи 7 Пакта».

83. На своем заседании 28 марта 2006 г. Комитет по правам человека выразили следующие мнения после рассмотрения сообщения № 1159/2003, представленного от имени Мариам, Филиппа, Огюста и Томаса Санкары против Буркина-Фасо:

«6.2 Комитет принял к сведению доводы государства-участника о неприемлемости сообщения. *Рациональное время*. Приняв также к сведению доводы авторов, Комитет счел необходимым провести различие между жалобой, касающейся г-на Томаса Санкары, и жалобой, касающейся г-жи Санкары и ее детей. Комитет счел, что смерть Томаса Санкары, которая

могли быть связаны с нарушениями нескольких статей Пакта, произошедшими 15 октября 1987 года, то есть до того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Буркина-Фасо. Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой. *Рациональное время.* Свидетельство о смерти Томаса Санкары от 17 января 1988 года, в котором говорится, что он умер естественной смертью – вопреки общеизвестным фактам, подтвержденным государством-участником... – и неспособность властей исправить свидетельство в период после этого время следует рассматривать в свете их продолжающегося воздействия на г-жу Санкару и ее детей.

...

12.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 7, то Комитет с пониманием относится к мучениям и психологическому давлению, которым подвергались и продолжают страдать г-жа Санкара и ее сыновья, семья человека, убитого при спорных обстоятельствах, поскольку они до сих пор не знают обстоятельств, связанных со смертью Томаса Санкары или точное место, где его останки были официально захоронены. Семья Томаса Санкары имеет право знать обстоятельства его смерти, и Комитет отмечает, что любая жалоба, касающаяся действий, запрещенных статьей 7 Пакта, должна быть оперативно и беспристрастно расследована компетентными органами. Кроме того, Комитет отмечает, как и в ходе обсуждения вопроса о приемлемости, отсутствие исправления в свидетельстве о смерти Томаса Санкары от 17 января 1988 года, в котором зафиксирована естественная смерть, что противоречит общеизвестным фактам, подтвержденным государством-участником. Комитет считает, что отказ в проведении расследования смерти Томаса Санкары, отсутствие официального признания места его захоронения и неисправление свидетельства о смерти представляют собой бесчеловечное обращение с г-жой Санкарой и ее сыновьями в нарушение статьи 7 Завета».

III. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г.)

84. Статья 24 § 1 устанавливает следующие основания для прекращения возбуждения уголовного дела:

- «(1) не было уголовного преступления;
- (2) действия не составляли уголовного преступления;

...

4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего».

85. Статья 42 определяет «потерпевшего» как лицо, которому причинен физический, материальный или моральный вред в результате преступления. Решение о признании лица «потерпевшим» принимается следователем, следователем, прокурором или судом.

В. Закон о реабилитации (Закон № 1761-І от 18 октября 1991 г.)

86. Согласно преамбуле, целью Закона о реабилитации является «реабилитация» всех жертв политических репрессий, подвергшихся уголовному преследованию на территории Российской Федерации после 7 ноября 1917 г., причем под «реабилитацией» понимается «восстановление их гражданских прав, устранение иных неблагоприятных последствий произвольные действия и выплата компенсации в отношении материального ущерба».

87. Раздел 1 определяет «политические репрессии» как различные меры меры пресечения, в том числе лишение жизни или свободы, налагаемые государством по политическим мотивам, а также иное ограничение прав или свобод лиц, признанных общественно опасными для государства или политического режима по признаку их классовой или социального происхождения, национальности или религии.

88. Раздел 2 распространил действие Закона о реабилитации на все Граждане России, граждане бывшего СССР, иностранные граждане и лица без гражданства, подвергшиеся политическим репрессиям на территории Российской Федерации после 7 ноября 1917 года.

89. Раздел 3 устанавливает категории лиц, имеющих право «реабилитация». Пункт (б) касается лиц, подвергшихся уголовной репрессии на основании постановлений Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Вечека, ВЧК), Главное политическое управление (ГПУ, ГПУ), Народный комиссариат внутренних дел (НКВД, НКВД), Министерство государственной безопасности (МГБ, МГБ), прокуроры и их коллегиальные органы, «специальные комиссии», *тройки* и другие органы с судебными функциями.

С. Засекречивание и рассекречивание государственной тайны в России

90. Согласно преамбуле Закона о государственной тайне (Закон № 5485-І от 21 июля 1993 года) регулирует порядок выявления сведений, составляющих государственную тайну, засекречивания и рассекречивания сведений, защиты сведений в интересах национальной безопасности Российской Федерации.

91. Раздел 5 содержит перечень категорий информации, составляющих Государственная тайна. Он включает, в частности, следующее:

«(4) сведения в сфере разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также в сфере противодействия терроризму:

– о средствах, средствах, источниках, методах, планах и результатах разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности и их финансировании...

– о лицах, сотрудничавших или сотрудничающих на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность».

92. Раздел 7 содержит перечень сведений, которые не могут быть объявлены Государственная тайна или засекречена. Он охватывает, в частности, следующую информацию:

«– о нарушениях прав и свобод человека и гражданина

...

– о нарушениях закона, совершенных государственными органами или должностными лицами».

93. Статья 13 регулирует порядок рассекречивания информации.

Он также обеспечивает следующее:

«Срок, в течение которого государственные секреты подлежат засекречиванию, не может превышать тридцати лет. В исключительных случаях Межведомственная комиссия по защите государственной тайны может продлить этот срок».

94. 2 августа 1997 г. правительство приняло Постановление №. 973 на подготовка сведений, составляющих государственную тайну, для передачи иностранным государствам и международным организациям. Он предусматривает, что решение о передаче такой информации может быть принято Правительством Российской Федерации на основании доклада, подготовленного Межведомственной комиссией по защите государственной тайны (§ 3). Сторона-получатель обязана обеспечить защиту секретной информации путем заключения международного договора, устанавливающего, среди прочего, порядок передачи информации, положение о конфиденциальности и порядок разрешения споров (§ 4).

D. Уголовный кодекс Российской Федерации (Закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.)

95. Глава 34 содержит перечень преступлений против мира и безопасности человечества. Статья 356 запрещает, в частности, «жестокое обращение с военнопленными или гражданскими лицами», преступление, наказуемое лишением свободы на срок до двадцати лет.

96. Статья 78 § 5 предусматривает, что преступления, указанные в статьях 353 (Война), 356 (Запрещенные средства ведения войны), 357 (Геноцид) и 358 (Экоцид) не имеют срока давности.

ЗАКОН

I. ИМЕЮТ ЛИ РОДСТВЕННИКИ ПОГИБШИХ ЗАЯВИТЕЛЕЙ ПРАВОПОРЯДОЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СУДЕ

97. После смерти заявителя г-на Кшиштофа Яна Малевича в 7 июля 2011 г. его сын, г-н Петр Малевич, сообщил Суду о своем желании рассмотреть поданные им жалобы вместо него.

98. Палата повторила, что в случаях, когда заявитель умер в ходе судебного разбирательства суд ранее принял во внимание

заявления наследников заявителя или близких членов семьи, выражающие желание продолжить разбирательство в нем (см. *Карнер против Австрии*, нет. 40016/98, § 25, ECHR 2003-IX, и *Далбан против Румынии* [ГК], нет. 28114/95, § 39, ЕСПЧ 1999-VI). Таким образом, Палата согласилась с тем, что г-н Петр Малевич мог продолжить рассмотрение жалобы, поскольку она была подана его покойным отцом.

99. Заявитель Галина Михальская умерла 28 ноября 2012 г. в письме от 30 января 2013 г. ее сын, г-н Казимеж Рачиньский, выразил намерение продолжить разбирательство вместо нее.

100. Большая палата удовлетворена тем, что и г-н Петр Малевич, и Г-н Казимеж Рачиньский является ближайшим родственником умерших заявителей. Далее он отмечает, что признание Палатой правоспособности г-на Петра Малевича в Суде не оспаривалось ни одной из сторон. Таким образом, Большая палата не видит оснований для иного вывода ни в отношении г-на Петра Малевича, ни, по аналогии, в отношении г-на Казимира Рачиньского.

101. Соответственно, Суд признает, что г-н Петр Малевич и Г-н Казимеж Рачиньский может продолжить рассмотрение жалобы, поскольку она была подана покойным г-ном Кшиштофом Яном Малевичем и покойной г-жой Галиной Михальской соответственно.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

102. Заявители жаловались, что российские власти не выполнили свои обязательства в соответствии с процессуальной частью статьи 2 Конвенции, которая требовала от них проведения надлежащего и эффективного расследования смерти их родственников. Статья 2 предусматривает следующее:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

(a) в защиту любого лица от незаконного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(c) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

A. Решение Камеры

103. Напоминая, что в своем решении о приемлемости от 5 июля 2011 г. Суд присоединился к возражению Правительства относительно его временной компетенции в отношении процессуальной части статьи 2 по существу дела,

Палата с самого начала рассмотрела вопрос о том, следует ли поддержать или отклонить это возражение. С этой целью он рассмотрел применимую прецедентную практику Суда и принципы, регулирующие временные пределы процессуальных обязательств государств, как они были сформулированы в *Шилих против Словении* судебное решение ([БП], № 71463/01, §§ 160-63, 9 апреля 2009 г.) и применялось в ряде дел против Румынии, Украины и Хорватии.

104. По первому тесту – требуется наличие «подлинной связи». согласно первому предложению пункта 163 вышеуказанного *Шилих* Постановление Палата постановила, что стандарт «действительной связи» может быть удовлетворен только в том случае, если промежуток времени между иницирующим событием и датой ратификации остается достаточно коротким. Кроме того, он указал, что значительная часть следственных действий, необходимых для обеспечения соблюдения процессуальных обязательств по статье 2, должна была быть проведена после даты ратификации. По оценке Палаты, в настоящем деле не было соблюдено ни одно из условий, в котором промежуток времени между смертью (1940 г.) и датой ратификации (5 мая 1998 г.) был чрезмерно длительным, слишком длительным в абсолютном выражении, чтобы удовлетворить «подлинную связь стандарт. Так же,

105. Затем Палата рассмотрела вопрос о том, были ли обстоятельства дела были таковы, что оправдывали вывод о том, что связь между иницирующим событием и датой ратификации основывалась на «необходимости обеспечить эффективную защиту гарантий и основополагающих ценностей Конвенции» (см. пункт 139 Палаты судебного решения), как указано в последнем предложении пункта 163 вышеупомянутого *Шилих* суждение. Поскольку это было первое дело, в котором Суду было предложено дать толкование этой статьи, Палата, опираясь на *Брекнелл* триговор (см. *Брекнелл против Соединенного Королевства*, нет. 32457/04, 27 ноября 2007 г.) – истолковал его следующим образом.

«139. ... Далеко не случайно, ссылка на основополагающие ценности Конвенции указывает на то, что для установления такой связи рассматриваемое событие должно быть более масштабным, чем обычное уголовное преступление, и представлять собой отрицание самих основ Конвенции, как, например, военные преступления или преступления против человечности. Хотя на такие преступления не распространяется срок давности в силу Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности..., это не означает, что государства несут постоянную обязанность расследовать их. Тем не менее, процессуальное обязательство может быть возобновлено, если информация, якобы проливающая новый свет на обстоятельства таких преступлений, становится достоянием общественности после критической даты. Не может быть, чтобы какое-либо утверждение или обвинение могло привести к новому обязательству по расследованию в соответствии со статьей 2 Конвенции. Учитывая фундаментальное значение этого положения, государственные органы должны быть чувствительны к любой информации или материалам, которые могут либо подорвать выводы предыдущего расследования, либо позволить продолжить ранее безрезультатное расследование... Если появятся новые

материала, выявляемого в период после ратификации, и если он будет достаточно весомым и убедительным, чтобы оправдать новый раунд разбирательства, Суд будет обладать временной юрисдикцией для того, чтобы удостовериться, что государство-ответчик выполнило свое процессуальное обязательство по статье 2 таким образом, совместимым с принципами, провозглашенными в его прецедентном праве». (ссылки опущены)

106. Применяя эти требования к рассматриваемому делу, Палата установил, что массовое убийство польских военнопленных советской тайной полицией имело признаки военного преступления, но что в период после 5 мая 1998 г. не было никаких доказательств такого характера или существа, которые могли бы возродить процессуальную обязанность расследования или поднимать новые или более широкие вопросы. Соответственно, он пришел к выводу, что не было никаких элементов, способных проложить мост из далекого прошлого в недавний период после ратификации, и что не было доказано существование особых обстоятельств, оправдывающих связь между смертью и ратификацией.

107. В свете этих соображений Палата пришла к выводу, что Суд не обладал компетенцией *Рациональное время* принять во внимание существо жалобы в соответствии со статьей 2 Конвенции.

В. Доводы сторон

1. Правительство России

108. Правительство утверждало, что следует провести юридическое различие между двумя ситуациями: одна, когда нарушение Конвенции произошло в период, не подпадающий под временную юрисдикцию Суда, и вторая, когда нарушение Конвенции «вообще не существовало юридически», поскольку в рассматриваемое время Конвенция не существовал. По их мнению, это различие имело решающее значение, поскольку только «юридически существующее» нарушение статьи 2 в ее материально-правовом аспекте, которое, тем не менее, могло иметь место за пределами временной юрисдикции Суда, могло привести к принятию государством процессуальных обязательств по статье 2 Конвенции. в сочетании со статьей 1. В делах, ранее рассмотренных Судом, события, повлекшие за собой обязанность провести расследование, произошли после принятия Конвенции. *де-юре*, поскольку «катынские события» предшествовали принятию Конвенции 4 ноября 1950 г. на десять лет, а ее ратификации Россией 5 мая 1998 г. — на пятьдесят восемь лет. По мнению Правительства, это помешало Суду проверить соблюдение Россией своих процессуальных обязательств. Кроме того, Правительство утверждало, что Суд не обладает компетенцией *рациональные материалы* охарактеризовать Катынский расстрел как «военное преступление» с точки зрения международного гуманитарного права.

109. Правительство утверждало, что отсутствие обязательства расследовать Можно сказать, что «катынские события» возникли в результате

внутреннего права или международного гуманитарного права или в соответствии с Конвенцией. На внутригосударственном уровне велось расследование уголовного правонарушения, предусмотренного статьей 193-17(б) УК РСФСР 1926 года (злоупотребление властью, повлекшее тяжкие последствия, совершенное при отягчающих обстоятельствах), срок давности которого составлял десять лет. Современный Уголовно-процессуальный кодекс России требовал прекращения производства по делу по истечении срока давности. Кроме того, сотрудники НКВД СССР погибли до возбуждения уголовного дела. С точки зрения внутреннего уголовного судопроизводства их смерть является отдельным правовым основанием, препятствующим возбуждению или продолжению уголовного дела против них. В международном праве, *Прокурор против Нормана, Фофаны и Кондевы*, Специальный суд по Сьерра-Леоне, решение Судебной камеры от 21 мая 2007 г., Дело №. SCSL-04-14-T-776 и *Прокурор против Слободана Милошевича*, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, Дело №. IT-02-54-T, Приказ о прекращении производства по делу, 14 марта 2006 г.). Для Правительства было ясно, что расследование уголовного дела №. 159 было возбуждено «с нарушением уголовно-процессуальных требований, по политическим мотивам, как жест доброй воли польским властям».

110. С точки зрения международного гуманитарного права Правительство считало, что по крайней мере до 1945 года не существовало общеобязательных положений международного права об определении военных преступлений или преступлений против человечности или о возложении ответственности и судебном преследовании за такие преступления. Поскольку Международный военный трибунал был *для этого случая* трибуналом, положения его Устава, включая содержащиеся в нем определения преступлений, были ограничены судебными разбирательствами в отношении главных военных преступников, принадлежащих державам европейской оси. Правительство пришло к выводу, что международное право в том виде, в каком оно существовало в 1940 году, не давало достаточных оснований для квалификации «катынских событий» как военного преступления, преступления против человечности или геноцида, если только они не были приписаны главным военным преступникам европейских стран Оси. и подпадали под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала. Тем не менее, по запросу польских властей, российские следователи рассмотрели «версию геноцида» и установили, что такого преступления не было, поскольку у подозреваемых были чисто уголовные мотивы, а не намерение уничтожить полностью или частично , национальный, этнический,

111. Что касается процессуального обязательства проводить расследование в соответствии с Конвенцией, Правительство вновь заявило, во-первых, что следствие по уголовному делу №. 159 были проведены по политическим мотивам, как жест доброй воли, и

следовательно, не может быть оценено с точки зрения процессуальных требований статьи 2. Во-вторых, по мнению властей Российской Федерации, только те события, которые произошли после принятия Конвенции, могут повлечь за собой какое-либо процессуальное обязательство. В-третьих, нельзя было разумно ожидать, что российские власти проведут эффективное расследование примерно через пятьдесят восемь лет после событий, когда свидетели уже умерли, а важные документы были уничтожены. В качестве альтернативы Правительство заявило, что «Конвенция не налагает [d] никаких конкретных обязательств. . . обеспечить возмещение за ошибки или ущерб, причиненные до ... ратификации» (здесь они ссылались на *Копецки против Словакии*[ГК], нет. 44912/98, § 38, ЕСПЧ 2004-IX). Иными словами, когда Суду помешали *Рациональное время* изучив обстоятельства смерти, он не смог установить, порождает ли она процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 (здесь они ссылались на *Холодовы против России*(дек.), нет. 30651/05, 14 сентября 2006 г., и *Молдован и другие и Росташ и другие против Румынии*(дек.), нр. 41138/98 и 64320/01, 13 марта 2001 г.).

112. Что касается делимости процессуального обязательства, Правительство указало, что не каждая смерть влечет за собой процессуальное обязательство и что Суд должен был с самого начала изучить, были ли обстоятельства смерти такими, чтобы привести обязательство в действие. Однако, если смерть наступила до даты ратификации, у Суда не будет временной юрисдикции для проведения такого анализа. Кроме того, принцип делимости должен быть подчинен определенным ограничениям, чтобы избежать непредвиденного расширения юрисдикции Суда и охвата Конвенции. Во-первых, промежуток времени должен был быть достаточно коротким, чего не было в настоящем деле. Во-вторых, значительная часть следственных действий должна была быть проведена после даты ратификации. Этот критерий также не был выполнен в настоящем деле. Окончательно, что касается необходимости обеспечить реальную и эффективную защиту основополагающих ценностей Конвенции, Правительство согласилось с тем, что рассматриваемое событие должно быть более масштабным, чем обычное уголовное преступление. Однако в отношении «катынских событий» суд не имел юрисдикции, *Рациональное время* или *рациональные материалы*, дать им оценку с позиций международного гуманитарного права.

113. Правительство подчеркнуло, что все наиболее важные процессуальные действия по Катынскому расследованию проводились в период между 1990 и 1995 годами, и после 5 мая 1998 года никаких соответствующих «новых материалов» не появилось. рассматриваться как «новый материал», способный (повторно) инициировать процессуальное обязательство по статье 2. Так же как и предполагаемое обнаружение украинского списка в 2002 году, которое сводилось только к запросу украинских властей о разъяснении.

2. Заявители

114. Заявители признали, что Катынский расстрел был совершен в 1940 году был актом, выходящим за рамки временной сферы действия Конвенции, и что Суд не обладал компетенцией *Рациональное время* для рассмотрения материально-правового аспекта статьи 2. Тем не менее, по их мнению, Суд должен обладать временной юрисдикцией для изучения того, соблюдала ли Россия свое процессуальное обязательство по статье 2, которая является отдельной и автономной обязанностью, способной связывать государство даже тогда, когда смерти, о которых идет речь, произошли до даты ратификации.

115. Заявители считали, что реальная связь, необходимая для установление временной компетенции Суда должно быть основано, прежде всего, на «необходимости обеспечения того, чтобы гарантии и основные ценности Конвенции [были] защищены реальным и эффективным образом» (заявители сослались на *Шилих*, упомянутое выше, § 163 *в итоге*). Выражение «основополагающие ценности Конвенции» ранее использовалось Судом при установлении того, что конкретные случаи языка ненависти, такие как высказывания, отрицающие Холокост или оправдывающие военные преступления, были несовместимы с ценностями Конвенции (здесь они сослались на *Гароди против Франции* (дек.), нет. 65831/01, ЕСПЧ 2003-IX; *Витч против Германии* (дек.), нет. 7485/03, 13 декабря 2005 г.; и *Орбан и другие против Франции*, нет. 20985/05, § 35, 15 января 2009 г.). Поскольку высказывания, отрицающие реальность преступлений по международному праву, считаются противоречащими основополагающим ценностям Конвенции, должно применяться то же самое обоснование. *тем более* самим актам, которые подрывают само значение справедливости и мира, основополагающие ценности Конвенции, выраженные в ее преамбуле. По мнению заявителей, упоминание базовых ценностей в пункте 163 *Шилих* Постановление указывало, что имели место некоторые случаи действий, нарушающих саму основу системы Конвенции, характер, масштабы и тяжесть которых должны наделять Суд юрисдикцией. *Рациональное время* изучить обязательство государства провести эффективное расследование.

116. Заявители утверждали, что Катынский расстрел был преступлением. по международному праву. Польские солдаты, захваченные Красной армией, имели право на полную защиту, гарантированную военнопленным, включая защиту от актов насилия и жестокости, предусмотренную положениями Гаагской конвенции (IV) 1907 г. и Женевской конвенции 1929 г. убийство польских военнопленных в 1940 г. было противоправным деянием, нарушавшим статьи 4, 23 (с) и 50 Гаагской конвенции (IV) 1907 г. и статьи 2, 46, 61 и 63 Женевской конвенции 1929 г. СССР не был участником ни одной из конвенций, он был обязан соблюдать общеобязательные принципы международного обычного права, которые были лишь кодифицированы в этих конвенциях. О том, что такое обязательство было признано в СССР юридически обязывающим, убедительно свидетельствует тот факт, что на Нюрнбергском процессе

пытался обвинить нацистских лидеров в убийстве польских военнопленных. Истребление польских военнопленных было военным преступлением по смыслу статьи 6 (b) Нюрнбергской хартии, а расстрел гражданских лиц составляло преступление против человечности, как оно определено в статье 6 (c) Нюрнбергской хартии. Квалификацию Нюрнбергским трибуналом Катынского расстрела как военного преступления следует рассматривать объективно и не зависеть от того, кто на самом деле совершил это злодеяние. Более того, казнь военнопленных считалась и рассматривалась международным сообществом как военное преступление, о чем убедительно свидетельствует многочисленная судебная практика послевоенных судебных процессов над военными преступниками. Катынский расстрел как преступление по международному праву не имел срока давности на момент его совершения, как и сегодня.

117. Заявители также сослались на два фактора, которые подтверждали аргумент относительно компетенции Суда выносить решения о соблюдении Россией процессуального обязательства по статье 2. Во-первых, Совет Европы и Конвенция возникли как демократические политические и правовые альтернативы нарушениям человеческого достоинства, совершаемым в массовых масштабах два тоталитарных режима, а именно нацизм и сталинизм. Катынская резня была совершена тоталитарным режимом, цели и ценности которого радикально противоречили целям и принципам Конвенции. Если Конвенция должна быть защищена реальным и эффективным образом, нынешние Договаривающиеся стороны должны проводить эффективные расследования тоталитарных преступлений. Во-вторых,

118. Заявители также считали, что даже в рамках «нового материальный критерий», который был разработан и применен в постановлении Палаты, Суд может быть компетентен исследовать соблюдение Россией процессуального обязательства по статье 2, предполагая, что требуемый новый элемент не ограничивается важными новыми доказательствами, которые становятся известными в пост- период ратификации, но и включал новые и достаточно важные процессуальные факты. Этот тест также должен охватывать случаи, когда национальным властям не удалось собрать новые доказательства или когда они сделали выводы, резко противоречащие предыдущим выводам или историческим фактам. Хотя решение о прекращении расследования не было таким уж новым материалом для расследования, оно могло представлять собой новое процессуальное развитие, имеющее отношение к контексту статьи 2 Конвенции, особенно потому, что оно знаменовало собой внезапную перемену в расследовании.

119. Обращаясь к существу жалобы по статье 2, заявители утверждали, что российское расследование не выполнило основных требований этого положения. Российские власти не учли разницу между числом убитых (21 857 человек) и гораздо меньшим числом лиц, именуемых «погибшими» (1 803). Полномасштабные раскопки не проводились на всех могильниках. Заявителям было отказано в статусе потерпевших в судебном разбирательстве, и в связи с этим расследование не было прозрачным. Наконец, расследование не было направлено на выявление преступников и привлечение их к ответственности. Заявители назвали имена двух высокопоставленных советских чиновников, причастных к Катынскому расстрелу и еще живших в 1990-х годах.

3. Правительство Польши

120. Правительство Польши утверждало, что толкование «оговорка об особых обстоятельствах» в последнем предложении пункта 163 *Шилих* решение должно учитывать особый характер совершенных деяний, которые согласно международному праву являются военными преступлениями. Кроме того, Суду следует принять во внимание следующие факторы: (a) расследование Катынского расстрела было невозможно по политическим причинам до 1990 года; (b) расследование велось в течение шести лет после ратификации Россией Конвенции; (c) имелось значительное число лиц, законно заинтересованных в выяснении обстоятельств массового убийства; и (d) все еще имелись широкие возможности для продолжения расследования.

121. Правительство Польши далее утверждало, что в период с 1998 по В 2004 г. российские органы прокуратуры в рамках катынского расследования провели ряд процессуальных действий, в результате которых были получены новые доказательства, которые, возможно, могли бы «оживить» процессуальное обязательство по статье 2. К ним относятся: (a) обмен переписка 2002 г. между российскими и украинскими прокурорами по поводу катынского преступления; (b) отправка более 3, 000 запросов информации в российские центры персональных данных о судьбе польских граждан, имена которых фигурируют в «украинском катынском списке»; (c) двусторонние польско-российские консультации; (г) подача более девяноста ходатайств от родственников катынских жертв; д) заказ двух экспертных заключений по правовой квалификации Катынского расстрела; и (f) решение о классификации материалов дела.

122. Обращаясь к существу жалобы по статье 2, польский Правительство утверждало, что катынское расследование было неэффективным. С одной стороны, российская прокуратура подтвердила факт казни родственников заявителей в 1940 году, а с другой стороны, российские военные суды признали их пропавшими без вести. Российские власти имели

не брал у заявителей показаний и не предпринимал никаких усилий для проведения судебно-медицинской экспертизы или обнаружения документов. Они неправильно оценили доказательства, переданные им польской стороной, и ошибочно охарактеризовали Катынский расстрел как злоупотребление властью. Заявителям было отказано в праве участвовать в расследовании и им не был предоставлен процессуальный статус потерпевших. Наконец, засекречивая значительную часть материалов дела, российские власти не смогли найти справедливого баланса между общественным интересом в раскрытии преступлений тоталитарного прошлого и частным интересом заявителей в установлении обстоятельств смерти их родственников. .

4. Третьи стороны

а) Правовая инициатива открытого общества

123. Инициатива «Правосудие открытого общества» утверждала, что государства обязаны в соответствии с Конвенцией и обычным международным правом расследовать военные преступления и преступления против человечности до тех пор, пока это практически осуществимо. Это обязательство подразумевалось в запрете на применение сроков давности к таким преступлениям и не подлежало какой-либо временной квалификации. Следует признать, что с течением времени проведение эффективных расследований становилось все более сложной задачей; однако существующая практика национальных и международных судов по утверждению юрисдикции в отношении прошлых нарушений указывает на то, что успешное судебное преследование возможно даже спустя много десятилетий после установления основных фактов. Третья сторона сослалась на постановления Суда в *Брекнелл*, приведенный выше, и *Варнава и другие против Турции* ([GC], №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, ЕСПЧ 2009 г.) и судебной практике Межамериканского суда по правам человека (IACtHR) по делам о *Хелиодоро Португалия против Панамы* (предварительные возражения, существо дела, возмещение ущерба и расходы), решение от 12 августа 2008 г., серия С № 186), и *Гомес Лунд и др. ("Guerrilha do Araguaia") против Бразилии* (предварительные возражения, существо дела, возмещение и расходы), решение от 24 ноября 2010 г., Серия С № 219). Третья сторона утверждала, что эффективное расследование преступлений Второй мировой войны все еще было возможно после 1998 года. Они привели примеры расследований преступлений нацистской эпохи, предпринятых в Германии, Венгрии, Италии и Польше, некоторые из которых привели к успешному судебному преследованию, несмотря на возраст ответчиков. Кроме того, в 2012 году британский суд разрешил возбудить гражданский иск о возмещении ущерба против британского правительства в связи с предполагаемыми актами пыток во время восстания в Кении, которое произошло между 1952 и 1961 годами.

124. Третья сторона также утверждала, что право на установление истины в его индивидуальное измерение, предполагающее доступ к результатам расследования, а также к архивным и открытым следственным материалам. Такое раскрытие было необходимо для предотвращения нарушений, борьбы с неприкосновенностью и поддержания общественного доверия к

верховенство права (здесь они ссылались на *Келли и другие против Соединенного Королевства*, нет. 30054/96, § 118, 4 мая 2001 г.). В том, что касается права на установление истины, засекречивание информации, касающейся нарушений прав человека, допускается только в исключительных обстоятельствах при наличии убедительного интереса государства, в соответствии с независимым судебным контролем и в течение ограниченного периода времени, при условии, что менее ограничительные альтернативы были разрешены. нет в наличии. Третья сторона представила результаты исследования законов о праве на информацию в девятистах трех штатах, из которых следует, что сорок четыре из них прямо требуют раскрытия информации, когда общественный интерес в раскрытии информации перевешивает любой интерес в сохранении тайны.

(б) Международная амнистия

125. Amnesty International утверждала, что обязательство проводить расследование военные преступления и преступления против человечности распространяются на такие преступления, совершенные до разработки и вступления в силу Конвенции. Убийство и жестокое обращение с военнопленными и гражданскими лицами были запрещены обычным международным правом в 1939 году, и государства были обязаны расследовать военные преступления и преследовать их в судебном порядке задолго до 1939 года без каких-либо сроков давности (здесь они ссылались на *Кононов против Латвии* [ГК], нет. 36376/04, §§ 186 и 232, ЕСПЧ 2010 г., а также решениям МАСПЧ в *Веласкес Родригес против Гондураса* (по существу), решение от 29 июля 1988 г., § 174, Series C No. 4, и *Гомес Лунд и др.*, упомянутое выше, § 108). Третья сторона подчеркнула, что МАСПЧ неоднократно обнаруживала нарушения обязательства расследовать, преследовать и наказывать деяния, имевшие место до ратификации Американской конвенции о правах человека государством-ответчиком (здесь они цитировали *Гомес Лунд и др.* судебное решение (упомянутое выше), а также *Альмонацид Арельяно против Чили* (предварительные возражения, существо дела, возмещение и расходы), постановление от 26 сентября 2006 г., § 151, серия C № 154). Они указали, что с течением времени обязательство государства провести расследование или предоставить надлежащие и эффективные средства правовой защиты потерпевшим не изменилось. Право потерпевших на эффективный доступ к правосудию включает право быть заслушанными и право на полное возмещение ущерба, которое включает следующие элементы: реституцию, компенсацию, реабилитацию, сатисфакцию и гарантии неповторения (была сделана ссылка на выводы МАСПЧ в деле *Гомес Лунд и др.* §§ 261–62, 277 и 297). Наконец, третья сторона представила, опять же со ссылкой на *Гомес Лунд и др.* решение (§§ 241–42) о том, что непроведение эффективного расследования отрицательно сказалось на праве членов семьи на гуманное обращение.

с) «Мемориал» (Москва), Европейский правозащитный центр (Лондон) и Transitional Justice Network (Эссекс)

126. Три организации заявили, что Генеральный

Ассамблея, Межамериканская система прав человека и международное договорное право содержат обязательство расследовать военные преступления и преследовать их в судебном порядке с целью предоставления точной и прозрачной информации о нарушениях жертвам, их семьям, обществу в целом и международному сообществу. Право семей знать о судьбе своих пропавших без вести или умерших родственников было самостоятельным компонентом обязанности проводить расследование, которая являлась кодифицированной нормой обычного международного права (здесь они ссылались, в частности, на правило 117 в *Обычное международное гуманитарное право*, Том I: Правила, Международный комитет Красного Креста, 2005 г., и прецедентное право IACtHR). Далее они представили описание различных видов практики государств, связанных с созданием комиссий по установлению истины или аналогичных следственных органов в ответ на совершение международных преступлений, включая подробную информацию о мандатах и функциях этих комиссий.

С. Оценка Суда

127. Правительство выдвинуло предварительное возражение относительно Компетенция суда *Рациональное время* рассмотреть существо жалобы заявителей в соответствии с процессуальной частью статьи 2 Конвенции. Соответственно, Европейский суд должен с самого начала рассмотреть вопрос о том, следует ли удовлетворить это возражение.

1. Общие принципы

128. Суд повторяет, что положения Конвенции не

связывают Договаривающуюся Сторону в отношении любого действия или факта, которые имели место, или любой ситуации, которая прекратила свое существование до даты вступления в силу Конвенции в отношении этой Стороны («критическая дата»). Это устоявшийся принцип прецедентной практики Суда, основанный на общей норме международного права, закрепленной в статье 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (см. *Варнава и другие* упомянутое выше, § 130; *Шилих* упомянутое выше, § 140; и *Блечич против Хорватии* [ГК], нет. 59532/00, § 70, ЕСПЧ 2006-III).

129. Если действие, бездействие или решение, как утверждается, нарушили Конвенции имело место до ее вступления в силу, но производство по возмещению ущерба за это деяние было начато или продолжено после ее вступления в силу, это производство не может рассматриваться как часть фактов, составляющих предполагаемое нарушение, и не переводит дело в рамки Временная юрисдикция суда (см. *Варнава и другие*, § 130 и *Блечич*, §§ 77-79, оба упомянутые выше).

130. Хотя верно, что с критической даты и далее все государственные действия и бездействие должны соответствовать Конвенции, Конвенция не налагает на Договаривающиеся Государства никаких конкретных обязательств по возмещению вреда или ущерба, причиненных до этой даты (см. *Копецки против Словакии* [ГК], нет. 44912/98, § 38, ЕСПЧ 2004-IX). Таким образом, для установления временной юрисдикции Суда необходимо в каждом конкретном случае установить точное время предполагаемого вмешательства. При этом Суд должен принять во внимание как факты, на которые жалуется заявитель, так и объем прав, предусмотренных Конвенцией, которые, как утверждается, были нарушены (см. *Варнава и другие*, § 131 и *Блечич*, §§ 72 и 81-82, оба упомянутые выше).

131. Суд рассмотрел ряд дел, в которых факты

относительно материально-правового аспекта статьи 2 или 3 не входили во временную компетенцию Суда, в то время как факты, касающиеся соответствующего процессуального аспекта, то есть последующего разбирательства, подпадали, по крайней мере частично, в компетенцию Суда (краткое изложение прецедентной практики см. *Шилих*, упомянутое выше, §§ 148-52).

132. Суд пришел к выводу, что процессуальное обязательство провести эффективное расследование в соответствии со статьей 2 превратилось в отдельную и самостоятельную обязанность. Хотя оно вызвано фактами, касающимися материального аспекта статьи 2, его можно рассматривать как отдельное обязательство, вытекающее из статьи 2, способное связывать государство, даже если смерть наступила до критической даты (см. *Варнава и другие*, § 138 и *Шилих*, § 159, оба упомянутые выше).

133. Однако, принимая во внимание принцип правовой определенности, Временная юрисдикция суда в отношении соблюдения процессуального обязательства статьи 2 в отношении смертей, наступивших до критической даты, не является бессрочной (см. *Шилих* § 161, упомянутое выше). В *Шилих*, Суд определил пределы своей временной юрисдикции следующим образом:

«162. Во-первых, ясно, что если смерть наступила до критической даты, только процессуальные действия и/или бездействие, имевшие место после этой даты, могут подпадать под временную юрисдикцию Суда.

163. Во-вторых, должна существовать реальная связь между смертью и вступлением в силу Конвенции в отношении государства-ответчика, чтобы процессуальные обязательства, налагаемые статьей 2, вступили в силу.

Таким образом, значительная часть процессуальных действий, требуемых этим положением, которые включают не только эффективное расследование смерти соответствующего лица, но и возбуждение надлежащего судебного разбирательства с целью установления причины смерти и привлечения виновных к ответственности. – будет или должно быть выполнено после критической даты.

Однако Суд не исключает, что при определенных обстоятельствах связь может также основываться на необходимости обеспечения реальной и эффективной защиты гарантий и основополагающих ценностей Конвенции».

134. В цитированном выше *Варнава* решение, суд разъяснил необходимо провести важное различие между обязательством расследовать

подозрительная смерть и обязанность расследовать подозрительное исчезновение:

«148. ... Исчезновение - это особое явление, характеризующееся продолжающейся ситуацией неопределенности и безответственности, при которой наблюдается недостаток информации или даже преднамеренное сокрытие и запутывание того, что произошло ... Эта ситуация очень часто затягивается с течением времени. , продлевая мучения родственников потерпевшего. Следовательно, нельзя сказать, что исчезновение — это просто «мгновенный» акт или событие; дополнительный отличительный элемент последующего непредоставления информации о местонахождении и судьбе пропавшего без вести лица создает длящуюся ситуацию. Таким образом, процессуальное обязательство потенциально будет сохраняться до тех пор, пока судьба лица не будет раскрыта; продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение ... Это так, даже если смерть может, в конечном счете,

135. Далее Суд подчеркнул, что требование близости смерти и следственных действий до даты вступления в силу Конвенции в отношении государства-ответчика, как указано в *Шилих* (упомянутое выше) – применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей, когда определяющий фактический элемент, гибель жертвы, был точно известен, даже если точная причина или окончательная ответственность не были известны. В таких случаях процессуальное обязательство не носило длящегося характера (см. *Варнава и другие*, упомянутое выше, § 149).

2. Недавняя судебная практика

136. Следуя вышеизложенному *Шилих* суждению, принципы, регулирующие временная юрисдикция Суда в отношении «отделимого» обязательства по расследованию смерти человека, вытекающего из статьи 2 Конвенции, применялась в большом количестве дел.

137. Самую большую группу таких дел составили жалобы поданный против Румынии в связи с предположительно неэффективным расследованием гибели протестующих во время румынской революции в декабре 1989 года, в котором Суд установил, что он обладает юрисдикцией в связи с тем, что на дату вступления в силу Конвенции в отношении Румынии дело все еще находится на рассмотрении прокуратуры (см. *Ассоциация «21 декабря 1989 г.» и другие против Румынии*, нет. 33810/07 и 18817/08, 24 мая 2011 г.; *Пастор и Циклете против Румынии*, нет. 30911/06 и 40967/06, 19 апреля 2011 г.; *Лапушан и другие против Румынии*, нет. 29007/06, 30552/06, 31323/06, 31920/06, 34485/06, 38960/06, 38996/06, 39027/06 и 39067/06, 8 марта 2011 г.; *Шандру и другие против Румынии*, нет. 22465/03, 8 декабря 2009 г.; и *Агаче и другие против Румынии*, нет. 2712/02, 20 октября 2009 г.). Аналогичные выводы были сделаны в двух последующих случаях, касающихся насильственных инцидентов, имевших место в июне 1990 года (см. *Мокану и другие против Румынии*, нет. 10865/09, 45886/07 и 32431/08, 13 ноября 2012 г.) и в сентябре 1991 г. (см. *Крайничану и Фрумушану против Румынии*, нет. 12442/04, 24 апреля 2012 г.).

138. За исключением случая *Туна против Турции* (нет. 22339/03, §§ 57-63, 19 января 2010 г.), причиной которого стала смерть во время содержания под стражей в полиции, произошедшая примерно за семь лет до признания Турцией права на подачу индивидуальной жалобы, в других недавних случаях рассматриваемая смерть не являлась причиной последствия любых действий представителей государства и предшествовало дате вступления в силу на срок от одного до четырех лет, при этом значительная часть разбирательства проводилась после этой даты (см. *Кудра против Хорватии*, нет. 13904/07, §§ 110-12, 18 декабря 2012 г. – четыре года, смерть в результате несчастного случая из-за халатности со стороны частной компании; *Игорь Шевченко против Украины*, нет. 22737/04, §§ 45-48, 12 января 2012 г. – три года, дорожно-транспортное происшествие; *Баич против Хорватии*, нет. 41108/10, § 62, 13 ноября 2012 г. – четыре года, медицинская халатность; *Димови против Болгарии*, нет. 52744/07, §§ 36-45, 6 ноября 2012 г. – три года, смерть в результате пожара; *Велча и Мазэре против Румынии*, нет. 64301/01, §§ 85-88, 1 декабря 2009 г. – один год, семейный спор; *Труфин против Румынии*, нет. 3990/04, §§ 32-34, 20 октября 2009 г. – два года, убийство; *и Любовь Ефименко против Украины*, нет. 75726/01, § 65, 25 ноября 2010 г. – четыре года, ограбление и убийство). В двух случаях тот факт, что родственники заявителей погибли от рук повстанцев или военизированных формирований соответственно за семь и шесть лет до критической даты, не помешал Суду принять во внимание существо жалобы в рамках процессуальной части Статья 2 (см. *Пачаджи и другие против Турции*, нет. 3064/07, §§ 64-66, 8 ноября 2011 г., и *Юлариш против Хорватии*, нет. 20106/06, §§ 38 и 45-46, 20 января 2011 г.). Тринадцатилетний период, отделяющий смерть сына заявительницы в драке от вступления в силу Конвенции в отношении Сербии, не рассматривается как перевешивающий важность процессуальных действий, совершенных после критической даты (см. *Младенович против Сербии*, нет. 1099/08, §§ 38-40, 22 мая 2012 г.).

139. Суд также рассмотрел ряд дел, в которых заявитель предположительно подвергался обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, в какой-то момент времени до критической даты. Суд установил, что он обладает юрисдикцией для проверки соблюдения государством-ответчиком – в период после вступления в силу – с процессуальной частью статьи 3, которая требовала проведения эффективного расследования жестокости полиции (см. *Яценко против Украины*, нет. 75345/01, § 40, 16 февраля 2012 г. и *Станимирович против Сербии*, нет. 26088/06, §§ 28-29, 18 октября 2011 г.), изнасилование (см. *Премьер-министр против Болгарии*, нет. 49669/07, § 58, 24 января 2012 г.) и жестокое обращение со стороны частного лица (см. *Оташевич против Сербии*, нет. 32198/07, 5 февраля 2013 г.).

3. Разъяснение Шилих критерии

140. Несмотря на постоянно растущее количество судебных решений в которой суд определил свою компетенцию *Рациональное время* ссылкой на критерии, принятые в *Шилих* (упоминалось выше), их применение в

практика иногда приводила к возникновению неопределенности, поэтому желательны дальнейшие разъяснения.

141. Критерии, изложенные в пунктах 162 и 163 *Шиших*

Постановление (упомянутое выше) можно резюмировать следующим образом. Во-первых, если смерть наступила до критической даты, временная юрисдикция Суда распространяется только на процессуальные действия или бездействие в период после этой даты. Во-вторых, процессуальное обязательство вступит в силу только в том случае, если существовала «реальная связь» между смертью в качестве иницилирующего события и вступлением в силу Конвенции. В-третьих, связи, которая не является «подлинной», тем не менее, может быть достаточно для установления юрисдикции Суда, если это необходимо для обеспечения реальной и эффективной защиты гарантий и основополагающих ценностей Конвенции. Суд рассмотрит каждый из этих элементов по очереди.

(а) Процессуальные действия и бездействие в период после вступления в силу

142. Прежде всего Суд повторяет, что процессуальное обязательство расследование в соответствии со статьей 2 не является процедурой возмещения ущерба в отношении предполагаемого нарушения права на жизнь, которое могло иметь место до критической даты. Предполагаемое нарушение процессуального обязательства заключается в отсутствии эффективного расследования; процессуальное обязательство имеет свою особую сферу применения и действует независимо от материально-правовой части статьи 2 (см. *Варнава и другие*, § 136 и *Шиших*, § 159, оба упомянутые выше). Соответственно, временная юрисдикция Суда распространяется на те процессуальные действия и бездействие, которые имели место или должны были иметь место в период после вступления Конвенции в силу в отношении государства-ответчика.

143. Далее Суд считает, что ссылка на «процессуальные действия» следует понимать в смысле, присущем процессуальному обязательству по статье 2 или, в зависимости от случая, статье 3 Конвенции, а именно действия, предпринятые в рамках уголовного, гражданского, административного или дисциплинарного разбирательства, которые могут привести к выявлению и наказанию виновных или присуждению компенсации пострадавшей стороне (см. *Лабита против Италии* [ГК], нет. 26772/95, § 131, ЕСЧР 2000-IV, и *Макканн и другие против Соединенного Королевства*, 27 сентября 1995 г., § 161, Серия А №. 324). Это определение действует для исключения других типов исследований, которые могут проводиться для других целей, таких как установление исторической правды.

144. Упоминание «упущений» относится к ситуации, когда проведено расследование или проведены лишь незначительные процессуальные действия, но предполагается, что должно было быть проведено эффективное расследование. Такое обязательство со стороны властей по проведению следственных действий может возникнуть, когда обнаружится правдоподобное, заслуживающее доверия утверждение, доказательство или информация, имеющая отношение к установлению и возможному судебному преследованию или наказанию виновных.

(видеть *Гутьеррес Дорадо и Дорадо Ортис против Испании* (дек.), нет. 30141/09, §§ 39-41, 27 марта 2012 г.; *Чакир против Кипра* (дек.), нет. 7864/06, 29 апреля 2010 г.; и *Брекнелл* упомянутое выше, §§ 66-72). Если в период после вступления в силу появятся новые материалы, и если они будут достаточно весомыми и неопровержимыми, чтобы оправдать новый раунд разбирательства, Суд должен будет убедиться, что государство-ответчик выполнило свое процессуальное обязательство по статье 2 в порядке, совместимом с принципами, провозглашенными в его прецедентном праве. Однако, если инициирующее событие находится вне юрисдикции Суда *Рациональное время*, обнаружение нового материала после критической даты может привести к новому обязательству по расследованию только в том случае, если был выполнен либо критерий «подлинной связи», либо критерий «условных ценностей», обсуждаемый ниже.

(b) Тест на «подлинную связь»

145. Первое предложение пункта 163 вышеуказанного *Шилич* Постановление устанавливает, что наличие «реальной связи» между инициирующим событием и вступлением в силу Конвенции в отношении государства-ответчика является условием *непременное условие* для вступления в силу процессуального обязательства по статье 2 Конвенции.

146. Суд считает, что фактор времени является первым и наиболее важным показателем «подлинного» характера соединения. Он отмечает, как и ранее в постановлении Палаты, что промежуток времени между инициирующим событием и критической датой должен оставаться достаточно коротким, если это соответствует стандарту «подлинной связи». Хотя нет явных правовых критериев, по которым можно было бы определить абсолютный предел продолжительности этого периода, он не должен превышать десяти лет (см., по аналогии, *Варнава и другие*, упомянутое выше, § 166, и *Эр и другие против Турции*, нет. 23016/04, §§ 59-60, 31 июля 2012 г.). Даже если в исключительных обстоятельствах может быть оправдано продление срока еще дальше в прошлое, это должно быть сделано при условии, что требования теста «Конвенционные ценности» были соблюдены.

147. Продолжительность периода времени между триггерным событием и однако критическая дата сама по себе не является решающей для определения того, была ли связь «подлинной». Во втором предложении пункта 163 *Шилич* Судебное решение указывает, что связь будет установлена, если большая часть расследования смерти имела место или должна была быть проведена в период после вступления в силу Конвенции. Сюда входит проведение процессуальных действий по установлению причины смерти и привлечению виновных к ответственности, а также проведение значительной части процессуальных действий, имевших решающее значение для хода расследования. Это является следствием того принципа, что юрисдикция Суда распространяется только на процессуальные действия и бездействие, имевшие место после вступления в силу. Однако, если основная часть разбирательства или наиболее важные процессуальные действия имели место до

вступления в силу, это может безвозвратно подорвать способность Суда дать глобальную оценку эффективности расследования с точки зрения процессуальных требований статьи 2 Конвенции.

148. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд находит, что для «подлинной связи», должны быть соблюдены оба критерия: период времени между смертью как инициирующим событием и вступлением в силу Конвенции должен быть достаточно коротким, и должна быть проведена основная часть расследования, или должно было быть выполнено после вступления в силу.

(с) Тест «Условные значения»

149. Далее Суд признает, что могут быть чрезвычайные ситуации, которые не удовлетворяют изложенному выше стандарту «подлинной связи», но в которых необходимость обеспечения реальной и эффективной защиты гарантий и основополагающих ценностей Конвенции составляла бы достаточное основание для признания наличия связи. Последнее предложение пункта 163 *Шилих* судебное решение не исключает такой возможности, которая действовала бы как исключение из общего правила теста на «подлинную связь». Во всех случаях, изложенных выше, Суд признал наличие «реальной связи», поскольку промежуток времени между смертью и критической датой был достаточно коротким, а значительная часть разбирательства проходила после критической даты. На этом фоне настоящее дело является первым, которое можно отнести к этой другой, исключительной категории. Соответственно, Суд должен уточнить критерии применения критерия «Конвенционные ценности».

150. Как и Палата, Большая Палата рассматривает ссылку на основополагающие ценности Конвенции означают, что требуемая связь может быть обнаружена в том случае, если инициирующее событие имело более масштабный характер, чем обычное уголовное преступление, и равносильно отрицанию самих основ Конвенции. Так обстоит дело с серьезными преступлениями по международному праву, такими как военные преступления, геноцид или преступления против человечности, в соответствии с определениями, данными им в соответствующих международных документах.

151. Отвратительный характер и тяжесть таких преступлений побудили Договаривающиеся Стороны Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности согласиться с тем, что они не должны иметь срока давности и не должны подлежать какому-либо сроку давности во внутригосударственном правовом порядке. Тем не менее Суд считает, что оговорка о «ценностях Конвенции» не может применяться к событиям, которые произошли до принятия Конвенции, 4 ноября 1950 года, поскольку только тогда Конвенция начала свое существование как международный договор по правам человека. Следовательно, Договаривающаяся сторона не может нести ответственность в соответствии с Конвенцией за нерасследование даже самых серьезных преступлений по международному праву, если они были совершены до принятия Конвенции. Хотя Суд чувствителен к

Аргумент о том, что даже сегодня некоторые страны успешно судили лиц, ответственных за военные преступления, совершенные во время Второй мировой войны, подчеркивает принципиальную разницу между возможностью судебного преследования лица за серьезное преступление по международному праву, когда это позволяют обстоятельства, и обязанностью сделать это в соответствии с Конвенцией.

4. Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

152. Обращаясь к неоспоримым фактам настоящего дела, Суд отмечает, что родственники заявителей были военнослужащими польской армии, попавшими в плен после советского вторжения на территорию восточной Польши в сентябре 1939 г. В течение следующих месяцев они содержались в лагерях НКВД в западной части Польши. СССР, в Козельске, Осташкове и Старобельске.

153. 5 марта 1940 г. по предложению начальника НКВД, члены Политбюро ЦК КПСС одобрили внесудебную казнь польских военнопленных, которую должны были провести сотрудники НКВД. Заключенные были убиты и захоронены в братских могилах в разные дни апреля и мая 1940 года. Списки заключенных, подлежащих расстрелу, были составлены на основании «рассылочных списков» НКВД, в которых были указаны имена членов семей заявителей. упоминается среди прочих.

154. Трое членов семьи заявителей были опознаны во время эксгумация в 1943 г.; останки остальных не обнаружены и не идентифицированы. Суд повторяет, что он неоднократно делал выводы о том, что пропавшее без вести лицо может считаться умершим. Как правило, это установление факта было сделано в ответ на заявления правительства-ответчика о том, что данное лицо все еще живо или что не было доказано, что оно погибло от рук представителей государства. Эта презумпция смерти не является автоматической и достигается только при изучении обстоятельств дела, в которых важным элементом является время, прошедшее с тех пор, как лицо видели живым или о нем слышали (см. *Аслаханова и другие против России*, нет. 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08 и 42509/10, § 100, 18 декабря 2012 г.; *Варнава и другие* упомянутое выше, § 143; и *Вагапова и Зубираев против России*, нет. 21080/05, §§ 85-86, 26 февраля 2009 г.). Суд применил презумпцию смерти в отсутствие каких-либо достоверных сведений об исчезнувших лицах за периоды от четырех с половиной лет (см. *Имакаева против России*, нет. 7615/02, § 155, 9 ноября 2006 г.) до более десяти лет (см. *Аслаханова и др.*, упомянутое выше, §§ 103-15).

155. Бесспорно – и «рассылочные списки» НКВД доставляют документальные доказательства на этот счет – что в конце 1939 и начале 1940 года члены семей заявителей находились под стражей на советской территории и под полным и исключительным контролем советских властей. Решением Политбюро от 5 марта 1940 г. предусматривалось, что все без исключения польские военнопленные, содержащиеся в лагерях НКВД, подлежат внесудебной

казни, которая была проведена советской тайной полицией в последующие месяцы. Массовые захоронения заключенных в польской форме были обнаружены в Катынском лесу еще в 1943 году, после захвата территории немцами. В записке, написанной в 1959 году главой КГБ, преемником НКВД, признавалось, что в общей сложности сотрудниками НКВД было расстреляно более двадцати одной тысячи польских заключенных. Семьи перестали получать корреспонденцию от заключенных в 1940 году и не получали от них никаких известий с тех пор, то есть уже более семидесяти лет.

156. Принимая во внимание эти фактические элементы, Суд заключает, что членов семей заявителей, попавших в плен в 1939 году, следует считать казненными советскими властями в 1940 году.

157. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 5 мая 1998 г., то есть через пятьдесят восемь лет после казни родственников заявителей. Большая Палата поддерживает вывод Палаты о том, что период времени между смертью и критической датой не только во много раз больше, чем те, которые привели к вступлению в силу процессуального обязательства по статье 2 во всех предыдущих делах, но и слишком велик в абсолютные условия для установления подлинной связи между смертью родственников заявителей и вступлением в силу Конвенции в отношении России.

158. Расследование происхождения массовых захоронений началось в 1990 г. и было официально прекращено в сентябре 2004 г. Несмотря на то, что Правительство Российской Федерации утверждало, что первоначальное решение о возбуждении дела было незаконным, это разбирательство, по крайней мере теоретически, могло привести к установлению и наказанию виновных. Соответственно, они подпадают под действие «процессуальных действий и бездействия» для целей статьи 2 Конвенции.

159. В начале 1990-х годов было проведено значительное количество процессуальных действий, предпринятые советскими, а затем и российскими властями. В 1991 году в местах массовых захоронений в Харькове, Медном и Катыни были раскопаны трупы, и следователи заказали судебно-медицинские экспертизы и договорились о допросах потенциальных свидетелей убийств. Состоялись официальные визиты и координационные встречи представителей власти России, Польши, Украины и Беларуси. Однако все эти шаги произошли до критической даты. Что касается периода после вступления в законную силу, то на основании информации, имеющейся в материалах дела и в объяснениях сторон, невозможно установить какие-либо реальные следственные действия после 5 мая 1998 г. Суд не может согласиться с тем, что переоценка доказательств, можно сказать, что отступление от предыдущих выводов или решение о классификации материалов расследования составило «значительную долю процессуальных действий», необходимых для установления «действительной связи» в целях статьи 2 Конвенции. Кроме того, за период, прошедший с критической даты, не было обнаружено никаких соответствующих доказательств или существенной информации. При этом Суд

приходит к выводу, что ни один критерий для установления наличия «подлинной связи» не был выполнен.

160. Наконец, остается определить, были ли исключительные обстоятельства в настоящем деле, которые могли бы оправдать отступление от требования «подлинной связи» путем применения стандарта ценностей Конвенции. Как установил Суд, события, которые могли повлечь за собой обязательство провести расследование в соответствии со статьей 2, произошли в начале 1940 года, то есть более чем за десять лет до вступления в силу Конвенции. Таким образом, Суд поддерживает вывод Палаты о том, что не было никаких элементов, способных создать мост из далекого прошлого в недавний период после вступления в силу.

161. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд поддерживает возражение правительства. *Рациональное время* находит, что он не обладает компетенцией рассматривать жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

162. Заявители жаловались, что длительное отрицание исторической факт и сокрытие информации о судьбе их родственников вместе с пренебрежительными и противоречивыми ответами российских властей на их запросы о предоставлении информации равносильно бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Решение Камеры

163. Палата провела различие между двумя группами заявителей по на основе близости родственных связей, связывавших их с жертвами Катынского расстрела. Он согласился с тем, что в случае вдовы и девяти детей, родившихся до 1940 года, существовала «крепкая семейная связь» и что эта группа могла претендовать на роль жертв предполагаемого нарушения статьи 3. С другой стороны, душевные страдания других пяти заявителей, которые родились в 1940 году или позже или были более дальними родственниками катынских жертв, не попадали под действие статьи 3 Конвенции.

164. Камера продолжила рассмотрение ситуации с первой группой соискателей в разные периоды времени. Во время Второй мировой войны они «остались в состоянии неуверенности в судьбе» своих близких; после войны они «все еще могли питать надежду, что по крайней мере некоторые из польских военнопленных могли выжить либо в более отдаленных советских лагерях, либо сбежав и скрываясь». На протяжении всего существования социалистической Польши, контролируемой СССР, заявители «не допускались к

политические причины, чтобы узнать правду о том, что произошло и вынуждают смириться с искажением исторических фактов советскими и польскими коммунистическими властями». Даже после публичного признания Катынского расстрела советскими и российскими властями заявители, должно быть, «испытывали разочарование в связи с очевидным отсутствием прогресса в расследовании».

165. В период после вступления в силу заявителям было отказано в доступе к материалам следствия или отстранены от производства по делу по причине иностранного гражданства. Палату особенно поразило «очевидное нежелание российских властей признать реальность Катынского расстрела». Признавая, что родственники заявителей содержались в качестве заключенных в лагерях НКВД, российские военные суды последовательно избегали каких-либо упоминаний об их последующей казни, ссылаясь на отсутствие доказательств этого в Катынском следствии. Палата квалифицировала такой подход как «черствое игнорирование опасений заявителей и преднамеренное запутывание обстоятельств Катынского расстрела». Что касается реабилитационного производства, *по отношению к заявителям*, что было не только оскорбительно, но и лишено человечности».

166. Палата признала, что количество времени, которое прошло с тех пор, как заявители были разлучены со своими родственниками, в настоящем деле было значительно дольше, чем в других, и что заявители больше не страдали от агонии, не зная, живы или мертвы члены их семей. Тем не менее, ссылаясь на судебную практику Комитета ООН по правам человека в отношении аналогичной статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, Палата пришла к выводу, что обязательство властей по статье 3 не может быть сведено к простому признанию факта смерти, но также требовал, чтобы они объясняли обстоятельства смерти и местонахождение могилы. В настоящем деле российские власти не предоставили заявителям никакой официальной информации об обстоятельствах смерти их родственников и не предприняли серьезных попыток установить местонахождение мест их захоронения. Палата установила нарушение статьи 3.

В. Доводы сторон

1. Правительство России

167. Правительство вначале утверждало, что по вопросу, рассматриваемому Статья 3, чтобы возникло в отношении родственников убитых или пропавших без вести лиц, должно быть доказано наличие двух элементов: (i) заявители должны были пережить период неопределенности в отношении судьбы своих родственников; и (ii) действия

власти должны были усугубить их страдания в этот период (здесь они ссылались на *Лулуев и другие против России*, нет. 69480/01, §§ 114-15, ЕСПЧ 2006-ХІІІ).

168. По первому элементу, состоянию неопределенности, правительство отметило, что, хотя судьба родственников заявителей не могла быть установлена с уверенностью, необходимой для целей уголовного или «реабилитационного» разбирательства, было неразумно ожидать, что они все еще были бы живы к 5 мая 1998 г., принимая во внимание учитывают даты их рождения и отсутствие каких-либо известий от них со времен Второй мировой войны. В отсутствие первого элемента российское правительство считало, что в соответствии со статьей 3 не может возникнуть никаких отдельных вопросов, кроме тех, которые уже были рассмотрены в соответствии со статьей 2 (здесь они ссылались на *Эсмухамбетов и другие против России*, нет. 23445/03, § 189, 29 марта 2011 г.; *Вельхив и другие против России*, нет. 34085/06, § 137, 5 июля 2011 г.; *Самбиев и Покаяева против России*, нет. 38693/04, §§ 74-75, 22 января 2009 г.; и *Тангиева против России*, нет. 57935/00, § 104, 29 ноября 2007 г.).

169. Правительство далее отметило отсутствие «особых факторов» что могло бы придать страданиям заявителей «размер и характер, отличные от эмоционального страдания, которое можно считать неизбежно причиненным родственникам жертвы серьезных нарушений прав человека» (здесь они цитировали *Гонгадзе против Украины*, нет. 34056/02, § 184, ECHR 2005-ХІ, и *Орхан против Турции*, нет. 25656/94, §§ 357-58, 18 июня 2002 г.). Что касается первого «особого фактора», «близости родственных связей», пятеро заявителей родились после ареста их родственников, и Палата не установила нарушения статьи 3 в отношении этих заявителей. Второй «особый фактор», «насколько член семьи был свидетелем рассматриваемых событий», отсутствовал, поскольку никто из них не видел событий, приведших к гибели их родственников. Третий критерий «причастность членов семьи к попыткам получения информации о пропавшем без вести» не был выполнен, поскольку заявители не принимали участия в катынском расследовании, не заявляли ходатайств и не давали показаний. Хотя судебный процесс широко освещался в российских и польских СМИ более четырнадцати лет, *Мусиханова и другие против России*, нет. 27243/03, §§ 81-82, 4 декабря 2008 г.).

170. Что касается ответа российских властей на запросы заявителей, который был четвертым «особым фактором», Правительство утверждало, во-первых, что предполагаемое влияние их действий или бездействия должно было быть значительно уменьшено в связи с периодом в пятьдесят восемь лет, отделяющим «катынские события» от даты ратификацией Конвенции Россией, а также в связи с тем, что заявители больше не находились в состоянии неопределенности в отношении судьбы своих родственников.

Правительство утверждало, что действия национальных властей были оправданы, указывая, во-первых, на то, что «реабилитация» польских заключенных была невозможна в отсутствие какой-либо информации о выдвинутых против них обвинениях. Во-вторых, у властей не было юридических обязательств по установлению местонахождения заявителей или признанию их потерпевшими, поскольку не было достаточных доказательств для установления причинно-следственной связи между «катынскими событиями» и смертью родственников заявителей по стандарту доказательства, необходимые в уголовном процессе. В-третьих, письма прокуратуры, адресованные заявителям, содержали «неверные выводы», и «несоответствия» в конечном итоге были разъяснены российскими судами, которые провели надлежащую оценку документов,

171. Правительство не согласилось с выводом Палаты о том, что Российские суды отрицали реальность Катынского расстрела; по их мнению, суды «просто указали на отсутствие достаточных доказательств для установления обстоятельств смерти родственников заявителей» в соответствии с уголовным стандартом доказывания. Правительство также оспаривало, что национальные власти были обязаны сообщить о судьбе пропавших без вести лиц и найти места их захоронения, поскольку родственники заявителей не были «пропавшими без вести» и поскольку такое обязательство не вытекало из национальных права, международного гуманитарного права или Конвенции. Наконец, они утверждали, что у них не было намерения исказить исторические факты или подвергать заявителей какой-либо форме унижающего достоинство обращения.

2. Заявители

172. Заявители согласились с позицией, выраженной в Палате решение, согласно которому обязательство по статье 3 отличалось от обязательства, вытекающего из статьи 2, тем, что последнее положение требовало от государства принятия конкретных правовых мер, тогда как первое носило более общий гуманитарный характер. Они утверждали, что Суд должен иметь возможность принять во внимание факты, предшествующие вступлению в силу Конвенции, поскольку они могут иметь отношение к фактам, имевшим место после этой даты (они сослались на *Броневски против Польши* (уб.) [ГК], вып. 31443/96, § 74, ECHR 2002-X, и *Хокканен против Финляндии*, 23 сентября 1994 г., § 53, Серия А №. 299-А). Кроме того, Суд должен быть компетентен оценивать соблюдение государственными органами обязательств по статье 3, даже если первоначальное лишение жизни ускользнуло от его внимания. *Рациональное время* (здесь они провели параллель с решением Комитета ООН по правам человека от 28 марта 2006 г. по делу *о Мариам Санкара и др. против Буркина-Фасо*, Сообщение № 1159/2003).

173. Заявители не согласились с решением Палаты о разделении их на две отдельные группы в зависимости от близости их семейных связей. Они утверждали, что ситуация в послевоенной социалистической Польше и события

после признания Советским Союзом Катынского расстрела в равной мере затронули всех заявителей. Они утверждали, в отличие от подхода Палаты, что те, кто не помнил своих отцов или был лишен возможности иметь с ними какой-либо личный контакт, были более чувствительны к трагической судьбе своих родителей. Кроме того, заявители из второй группы, в отношении которых не было установлено нарушения статьи 3, активно участвовали в ряде юридических действий, а также в других мероприятиях, связанных с поминовением их родственников, которые были убиты: г-жа Волк - Езерская написала ряд книг о Катынском расстреле, г-жа Кшишковяк создала издательство, печатающее материалы, связанные с Катынью, г-жа Родович создала несколько художественных работ, посвященных Катынскому расстрелу и г-ну Романовскому, самый младший из заявителей «унаследовал» от своей покойной матери задачу почтить память своего дяди, который был убит. Ссылаясь на прецедентную практику Межамериканского суда по правам человека, заявители утверждали, что все они были жертвами жалоб, сформулированных в соответствии со статьей 3, либо как совершеннолетние прямые родственники убитых, либо как косвенные родственники, которые продемонстрировали свое сильное и постоянное личное участие в многочисленных действиях, связанных с судьбой членов их семей, которые были убиты.

174. Что касается обработки их запросов российскими властями, заявители указали, что в предыдущих делах, рассматриваемых Судом, иногда случалось, что «исчезнувшие лица» становились «мертвыми людьми», когда их тела были обнаружены. В катынском деле последовательность была обратной: те, кто был «умершим», стали «исчезнувшими» в глазах российских властей. Это изменение представляло собой полное отрицание исторических фактов и причиняло сильную боль, страдание и стресс заявителям. Это было равносильно информированию группы родственников жертв Холокоста о том, что жертвы должны считаться пропавшими без вести, поскольку их судьбу можно проследить только до тупиковой дорожки концлагеря, поскольку документы были уничтожены нацистскими властями. Более того, поскольку военные прокуроры утверждали, что они не смогли установить, «какое положение Уголовного кодекса послужило правовым основанием для привлечения [польских] заключенных [заключенных] к ответственности», это, по сути, было утверждением о том, что потерпевшие могли быть преступники, которые должным образом были приговорены к смертной казни. Кроме того, в ходе реабилитационного производства в Московском суде прокурор утверждал, что для репрессий существовали «уважительные причины», поскольку некоторые польские офицеры были «шпионами, террористами и диверсантами», а довоенная польская армия «была подготовлена для борьбы с Советским Союзом». Заявители подчеркнули, что их моральные страдания не могут быть классифицированы как сопутствующие самим убийствам, а являются результатом обращения, которому они подверглись со стороны российских властей.

3. Правительство Польши

175. Правительство Польши утверждало, что российские власти подвергал заявителей бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Они указали, что лица, которые были взяты в плен, содержались под стражей и в конечном итоге убиты советскими властями, были ближайшими родственниками заявителей. В течение многих лет по политическим причинам советские власти отказывали в доступе к какой-либо официальной информации о судьбе лиц, взятых в плен в конце 1939 г. После того, как в 1990 г. было начато расследование, заявители безуспешно пытались получить доступ к материалам следствия с целью добиться правовой реабилитации своих родственников. Отсутствие доступа и противоречивая информация, которую получили заявители, внушали им чувство постоянной неуверенности и стресса и ставили в полную зависимость от действий российских властей, направленных на их унижение. Это равносильно обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

4. Материалы третьей стороны

176. Группа международного публичного права и политики представила обзор прецедентной практики Суда относительно характера и прочности семейных отношений, необходимых для того, чтобы член семьи заявителя считался жертвой нарушения статьи 3. По их мнению, эта прецедентная практика указывает на то, что Суд все больше беспокоит действия членов семьи заявителей и роль, которую сыграло государство после того, как были сделаны запросы о предоставлении информации. Третья сторона также утверждала, что подход к признанию статуса жертвы, основанный на участии члена семьи в попытках получения информации об исчезнувшем лице, и то, как власти реагировали на эти попытки, соответствовал стандартам применяется другими международными судебными институтами, в том числе Межамериканским судом по правам человека (здесь они цитировали *Гарридо и Байгорриа против Аргентины* (возмещения ущерба и расходов), решение от 27 августа 1998 г., Серия С № 39, и *Блейк против Гватемалы* (по существу), решение от 24 января 1998 г., Series C No. 36) и Чрезвычайные палаты судов Камбоджи.

С. Оценка Суда

1. Общие принципы

177. В своей прецедентной практике Суд всегда был чувствителен к глубоким психологическое воздействие серьезного нарушения прав человека на членов семьи потерпевшего, являющихся заявителями в Суде. Однако для того, чтобы установить отдельное нарушение статьи 3 Конвенции в отношении родственников потерпевшего, должны иметь место особые факторы, придающие их страданию измерение и характер, отличные от эмоционального стресса.

неизбежно вытекающие из самого вышеупомянутого нарушения. Соответствующие факторы включают близость родственных связей, особые обстоятельства отношений, степень присутствия члена семьи в рассматриваемых событиях и участие заявителей в попытках получить информацию о судьбе их родственников.

178. В этой связи Европейский суд повторяет, что член семьи «пропавший без вести» может заявить, что он стал жертвой обращения, противоречащего статье 3, в случаях, когда за исчезновением последовал длительный период неопределенности, пока не было обнаружено тело пропавшего без вести. Суть вопроса по статье 3 в делах такого типа заключается не столько в серьезном нарушении прав человека пропавшего без вести, сколько в пренебрежительной реакции и отношении властей в отношении этой ситуации, когда она была доведена до их сведения. Установление нарушения на этом основании не ограничивается случаями, когда государство-ответчик несет ответственность за исчезновение. Это также может быть результатом неспособности властей реагировать на запросы родственников о предоставлении информации или препятствиями, воздвигнутыми на их пути, в результате чего на них ложится основная тяжесть усилий по раскрытию каких-либо фактов, *Ачиш против Турции*, нет. 7050/05, §§ 36 и 51-54, 1 февраля 2011 г.; *Варнава и другие* упомянутое выше, § 200; *Османоглу против Турции*, нет. 48804/99, § 96, 24 января 2008 г.; *Лулуев и др.* упомянутое выше, § 114; *Базоркина против России*, нет. 69481/01, § 139, 27 июля 2006 г.; *Гонгадзе* упомянутое выше, § 184; *Таниш и другие против Турции*, нет. 65899/01, § 219, ЕСПЧ 2005-VIII; *Орхан*, упомянутое выше, § 358; и *Чакиджи против Турции* [ГК], нет. 23657/94, § 98, ЕСПЧ 1999-IV).

179. Суд принял ограничительный подход в ситуациях, когда человек был взят под стражу, но позже найден мертвым после относительно короткого периода неопределенности относительно его судьбы (см. *Танлы против Турции*, нет. 26129/95, § 159, ЕCHR 2001-III, и *Битиева и другие против России*, нет. 36156/04, § 106, 23 апреля 2009 г.). В ряде чеченских дел, в которых заявители не были свидетелями убийства своих родственников, а узнали об их смерти только после обнаружения их тел, Суд счел, что нет необходимости в отдельном установлении нарушения статьи 3, учитывая, что он уже установил нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовых и процессуальных аспектах (см. *Вельхиев и др.*, § 137; *Самбиев и Покаева*, §§ 74-75; и *Тангиева*, § 104, все упомянутые выше).

180. Кроме того, в делах о лицах, убитых властями в нарушение статьи 2, Суд постановил, что применение статьи 3 обычно не распространяется на родственников в связи с мгновенным характером инцидента, повлекшего за собой рассматриваемую смерть (см. *Дамаев против России*, нет. 36150/04, § 97, 29 мая 2012 г.; *Ясин Атеш против Турции*, нет. 30949/96, § 135, 31 мая 2005 г.; *Удаева и Юсупова против России*, нет. 36542/05, § 82, 21 декабря 2010 г.; *Хашуева против России*,

нет. 25553/07, § 154, 19 июля 2011 г.; и *Индербиева против России*, нет. 56765/08, § 110, 27 марта 2012 г.).

181. Тем не менее Суд рассмотрел отдельный вывод нарушение статьи 3 должно быть оправданным в ситуациях подтвержденной смерти, когда заявители были непосредственными свидетелями страданий членов их семей (см. *Салахов и Ислямова против Украины*, нет. 28005/08, § 204, 14 марта 2013 г., где заявительница была свидетельницей медленной смерти своего сына, находившегося под стражей, и не могла ему помочь; *Эсмухамбетов и другие*, упомянутое выше, § 190, где было установлено нарушение статьи 3 в отношении заявителя, который был свидетелем убийства всей его семьи, но не было обнаружено нарушения в отношении других заявителей, которые только позже узнали об убийствах; *Хаджалиев и другие против России*, нет. 3013/04, § 121, 6 ноября 2008 г., где заявители не смогли надлежащим образом похоронить расчлененные и обезглавленные тела своих детей; *Мусаев и другие против России*, нет. 57941/00, 58699/00 и 60403/00, § 169, 26 июля 2007 г., где заявитель был свидетелем внесудебной казни нескольких его родственников и соседей; и *Аккум и другие против Турции*, нет. 21894/93, §§ 258-59, ECHR 2005-II, где заявителю было представлено изуродованное тело его сына).

2. Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

182. Суд отмечает, что ситуация, которая лежит в основе жалоба по статье 3 изначально представляла собой признаки дела об «исчезновении». Члены семей заявителей были взяты в плен советскими оккупационными войсками и содержались в советских лагерях. Имеются данные о том, что переписка между польскими военнопленными и их семьями продолжалась до весны 1940 г., поэтому семьи должны были знать, что их родственники живы. После того как письма от них перестали приходить в Польшу, их родственники долгие годы пребывали в состоянии неопределенности относительно постигшей их судьбы.

183. В 1943 г. после обнаружения массовых захоронений у Катынского Проведена лесная, частичная эксгумация и идентификация останков. Однако в то время были опознаны только трое родственников заявителей – г-н Волк, г-н Родович и г-н Мелецкий. Советские власти отрицали, что они казнили польских военнопленных, и без доступа к файлам Политбюро или НКВД было невозможно установить судьбу тех пленных, чьи тела не были опознаны. Никаких дальнейших попыток опознания жертв катынского расстрела не предпринималось во время холодной войны, поскольку советская версия убийств, организованных нацистами, была навязана как официальная в Польской Народной Республике на протяжении всего времени существования социалистического режима, то есть до 1989 года.

184. В 1990 году СССР официально признал ответственность Советское руководство за убийство польских военнопленных. В последующие годы сохранившиеся документы, касающиеся резни, были обнародованы.

и следователи провели дальнейшие частичные эксгумации в нескольких местах захоронения. Состоялся раунд консультаций между прокурорами Польши, России, Украины и Беларуси.

185. К моменту ратификации Конвенции Российской Федерацией 5 мая 1998 г. исполнилось более пятидесяти восьми лет после казни польских военнопленных. Принимая во внимание длительный промежуток времени, материалы, которые стали известны в промежуточный период, и усилия, предпринятые различными сторонами для выяснения обстоятельств Катинского расстрела, Суд находит, что в отношении периода после нельзя сказать, что заявители находились в состоянии неопределенности в отношении судьбы своих родственников, взятых в плен советской армией в 1939 г. расценивать как случай «подтвержденной смерти». Заявители согласились с такой оценкой настоящего дела (см., в частности, пункт 116 выше, а также пункт 119 постановления Палаты).

186. Суд не подвергает сомнению глубокое горе и страдания, которые заявители испытали в результате внесудебной казни членов их семей. Однако он повторяет, что в интересах правовой определенности, предсказуемости и равенства перед законом он не должен отступать от своих собственных прецедентов без веской причины (см. *Сабри Гюнеш против Турции* [ГК], нет. 27396/06, § 50, 29 июня 2012 г.). Прецедентная практика Суда, как указано выше, признала, что страдания членов семьи «исчезнувшего лица», которым приходится переживать длительный период чередования надежды и отчаяния, могут служить основанием для установления отдельного нарушения статьи 3 в связи с особенно черствое отношение отечественных властей к их поиску информации. Что касается настоящего дела, то юрисдикция Суда распространяется только на период, начинающийся 5 мая 1998 г., даты вступления Конвенции в силу в отношении России. Выше Суд установил, что с этой даты не осталось никакой затяжной неопределенности в отношении судьбы польских военнопленных. Несмотря на то, что не все тела были обнаружены, их смерть была публично признана советскими и российскими властями и стала установленным историческим фактом. Масштабы преступления, совершенного в 1940 году советскими властями, являются мощным эмоциональным фактором, однако с чисто юридической точки зрения Суд не может признать его веским основанием для отступления от своей прецедентной практики о статусе семьи. членов «исчезнувших лиц» как жертв нарушения статьи 3 и присвоение этого статуса заявителям, для которых смерть их родственников была неизбежна.

187. Далее Суд не находит других особых обстоятельств подобного рода, которые побудили его найти отдельное нарушение статьи 3 в случаях «подтвержденной смерти» (см. прецедентное право, указанное в пункте 181 выше).

188. При таких обстоятельствах Суд считает, что он не может считаться что страдания заявителей достигли размеров и характера, отличных от эмоционального страдания, которое можно считать неизбежно причиненным родственникам жертв серьезного нарушения прав человека.

189. Соответственно, Суд не находит нарушения статьи 3 Соглашение.

IV. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 КОНВЕНЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ-ОТВЕТЧИКОМ

190. Суд неоднократно просил государство-ответчика представить копию постановления от 21 сентября 2004 г., согласно которому расследование катынского расстрела было прекращено (см. § 45 настоящего Постановления). Столкнувшись с отказом правительства-ответчика представить запрошенные материалы, Суд попросил стороны прокомментировать вопрос о соблюдении государством-ответчиком своего обязательства предоставить все необходимые условия для проведения расследования Судом, вытекающего из статьи 38 Конвенции. Это положение гласит следующее:

«Суд рассматривает дело вместе с представителями сторон и, в случае необходимости, проводит расследование, для эффективного проведения которого заинтересованные Высокие Договаривающиеся Стороны предоставят все необходимые возможности».

A. Решение Камеры

191. Палата повторила, что «только Суд [может] решать... какие доказательства, которые стороны должны представить для надлежащего рассмотрения дела», и что «стороны [были] обязаны выполнять его требования и инструкции в отношении доказательств». Он также отметил отсутствие правдоподобного объяснения со стороны правительства-ответчика относительно характера соображений безопасности, которые повлияли на решение о засекречивании запрошенного документа. Он отметил, что запрошенный документ «относится к историческому событию, в котором большинство главных героев уже мертвы, и он не мог касаться каких-либо текущих операций или действий полиции по наблюдению». В более общем плане Палата отметила, что публичное и прозрачное расследование преступлений предыдущего тоталитарного режима вряд ли могло поставить под угрозу интересы национальной безопасности современной демократической Российской Федерации.

В. Доводы сторон

1. Правительство России

192. Правительство вначале утверждало, что классификация тридцати шести томов дела и постановления от 21 сентября 2004 г. как «совершенно секретные» документы были законными, поскольку содержали сведения в сфере разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также потому, что указанная грифификация была «проверена и подтверждено» ФСБ и Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, а также последующими решениями Мосгорсуда и Верховного суда по заявлению «Мемориала». Они утверждали, что российское законодательство не содержит абсолютного запрета на передачу конфиденциальной информации международным организациям и что решение от 21 сентября 2004 г. не было доведено до сведения Суда только потому, что «компетентные национальные органы [не пришли] к выводу», что это было бы возможно сделать.

193. Правительство утверждало, что статья 38 Конвенции не может толковаться таким образом, чтобы требовать от Договаривающихся государств раскрывать информацию, которая может нанести ущерб их безопасности. Они предложили Суду проанализировать законы других государств-членов, «в которых вполне вероятно могли быть предусмотрены аналогичные правила». Правительство сослалось на положения Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, которые позволяли Договаривающемуся государству отказаться от исполнения запрос, если это может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенным интересам страны (здесь они также ссылались на *Лю против России* (№ 2), нет. 29157/09, § 85, 26 июля 2011 г. и *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996 г., § 138, *Отчеты о суждениях и решениях* 1996-V). Правительство подчеркнуло, что Правило 33 Регламента Суда не предусматривает каких-либо санкций за несанкционированное разглашение конфиденциальной информации, которая была доверена Суду.

194. Правительство утверждало, что оно предоставило информацию о содержании решения от 21 сентября 2004 г., которое должно считаться достаточным для выполнения их обязательства в соответствии со статьей 38. Таким образом, они указали, какой орган классифицировал его, каковы были соображения безопасности, каковы были основания для прекращения разбирательства и что предполагаемым правонарушением была дана правовая квалификация. В рассматриваемом постановлении не упоминались заявители и не содержалась информация о судьбе их родственников или местонахождении мест их захоронения.

195. Наконец, Правительство не согласилось с тем, что они называли «необычная логика» решения Палаты. По их мнению, статья 38 должна

были исследованы в конце судебного решения, как это делалось в предыдущих делах. Они подчеркнули, что обязательство по статье 38 носило «чисто процессуальный характер» и что предполагаемое его нарушение «не могло причинить никаких страданий заявителям» или «перевесить тяжесть предполагаемых нарушений статей 2 и 3». Правительство не согласилось с тем, что обязательство по статье 38 должно выполняться при любых обстоятельствах; по их мнению, оно было производным по своему характеру и зависело от наличия допустимых жалоб в соответствии с другими положениями Конвенции. В настоящем деле не было смысла проверять соблюдение Правительством статьи 38, поскольку Суд должен признать, что он не обладает юрисдикцией для принятия во внимание существа жалобы в соответствии со статьей 2 Конвенции.

2. Заявители

196. Заявители утверждали, что давний принцип

международное обычное право установило, что никакая внутренняя норма, даже конституционного порядка, не может служить оправданием несоблюдения международного права (они ссылались на прецедентное право Постоянной палаты международного правосудия и Международного суда ООН (см. МС)). Этот принцип был кодифицирован в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров как расширение более общего *pacta sunt servanda* принципа, и на него часто ссылались в судебной практике международных судов и квазисудебных органов, включая Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), Межамериканский суд по правам человека, Африканскую комиссию по правам человека и народов и арбитражные суды. Столкнувшись с нежеланием государства-участника представить запрошенные материалы по соображениям конфиденциальности, международные трибуналы провели закрытые слушания (заявители сослались на решение МАСПЧ в *Годинес Крус против Гондураса* (по существу), решение от 20 января 1989 г., Серия С № 5, и решение Административного трибунала Международной организации труда в *Балло против ЮНЕСКО*, решение №. 191, 15 мая 1972 г.). в *Канал Корфу* В данном случае Международный Суд не сделал каких-либо негативных выводов, когда Соединенное Королевство отказалось представить доказательства, которые, по его мнению, имели отношение к военно-морской тайне (см. *Случай канала Корфу*, постановление от 9 апреля 1949 г.: *Отчеты МС* 1949). Однако МТБЮ отверг предложение хорватского правительства полагаться на *Корфу* судебного решения в качестве обоснования их отказа представить определенные документы и доказательства военного характера в *Прокурор против Тихомира Блашкича* дела, утверждая, в частности, что безоговорочное право государств удерживать по соображениям безопасности документы, необходимые для судебного разбирательства, может поставить под угрозу саму функцию Трибунала (дело № IT-95-14-AR108бис решение от 29 октября 1997 г.). Он добавил, что законность соображений государственной безопасности может быть обеспечена процедурными мерами, в том числе в закрытом режиме.

слушания и специальные процедуры для передачи и записи секретных документов. В более позднем случае *Прокурор против Дарио Кордича и Марио Черкеза* (дело № IT-95-14/2, решение от 9 сентября 1999 г.), МТБЮ также постановил, что вопрос о применимости запрошенных материалов к разбирательству относится к его полному усмотрению и не может быть оспорен государствами. Заявители утверждали, что *соотношение решений* из этих случаев применимо, *с соответствующими изменениями*, к настоящему делу.

197. Заявители повторили, что Правительство Российской Федерации не обосновало свои утверждения о проблемах безопасности и не объяснили, почему документ о злодеяниях, совершенных предыдущим тоталитарным режимом, необходимо засекретить. Решение о засекречивании также противоречило Закону Российской Федерации о государственной тайне, статья 7 которого запрещала засекречивание сведений о нарушениях прав человека. Катынский расстрел был массовым нарушением права на жизнь, совершенным по приказу высшего руководства СССР.

198. Заявители указали на свое согласие с Палатой. судебное решение в той мере, в какой оно установило нарушение статьи 38 Конвенции. Они утверждали, что Суд имел абсолютную свободу действий в определении того, какие доказательства ему необходимы для рассмотрения дела, и что отказ сотрудничать с Судом может привести к нарушению статьи 38, даже если нарушение основного права, предусмотренного Конвенцией, не было установлено.

3. Правительство Польши

199. Правительство Польши одобрило выводы Палаты в отношении установления нарушения статьи 38 Конвенции. Они вначале отметили, что российское правительство представило противоречивую информацию, даже во время разбирательства в Суде, относительно того, кто вынес решение о засекречивании материалов и когда оно было вынесено. В то время как в своих представлениях от 19 марта 2010 г. Правительство Российской Федерации заявило, что решение было принято Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, в их письменных представлениях от 30 ноября 2012 г. указывалось, что Генеральная военная прокуратура приняла решение в консультации с Федеральной службой безопасности.

200. Польское правительство полагало, что решение засекретить материалы расследования не соответствовали нормам материального права Российской Федерации. Содержание постановления о прекращении уголовного дела четко прописано в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и не может включать сведения, отнесенные к государственной тайне. Даже если бы оно содержало данные о лицах, в отношении которых велось разбирательство, это не могло служить основанием для отнесения всего решения к категории совершенно секретных. Любые сведения о высокопоставленных должностных лицах СССР касались периода до 1970 года и, соответственно, к моменту вынесения постановления максимальный тридцатилетний срок засекречивания, установленный в

действие статьи 13 Закона о государственной тайне уже истекло. Кроме того, поскольку российское правительство признало, что действия должностных лиц СССР были квалифицированы по закону как злоупотребление властью, эта информация была прямо исключена из засекречивания в силу статьи 7 Закона о государственной тайне. Польское правительство также подчеркнуло, что российское правительство не представило мотивированного решения по классификации.

201. Наконец, польское правительство указало, что Катынский расследование не было связано с текущими функциями или деятельностью специальных служб полиции. Даже если часть материалов была засекречена прежним режимом, не существовало постоянного и фактического общественного интереса в сохранении этой засекреченности.

С. Оценка Суда

1. Общие принципы

202. Суд повторяет, что это имеет первостепенное значение для эффективного функционирования системы индивидуальных петиций, учрежденной в соответствии со статьей 34 Конвенции, согласно которой государства должны предоставить все необходимые условия для обеспечения надлежащего и эффективного рассмотрения заявлений. Это обязательство требует, чтобы Договаривающиеся государства предоставляли Суду все необходимые условия, независимо от того, проводит ли он расследование по установлению фактов или выполняет свои общие обязанности в отношении рассмотрения заявлений. Непредставление правительством такой информации, находящейся в его руках, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком с его обязательствами по статье 38 Конвенции (см. *Тахсин Акар против Турции*[ГК], нет. 26307/95, §§ 253-54, ЕСПЧ 2004-III; *Тимурташ против Турции*, нет. 23531/94, §§ 66 и 70, ЕCHR 2000-VI; и *Танрыкулу против Турции*[ГК], нет. 23763/94, § 70, ЕСПЧ 1999-IV).

203. Обязанность предоставлять доказательства, запрошенные Судом, обязательной для правительства-ответчика с момента формулирования такой просьбы, будь то при первоначальном сообщении заявления правительству или на последующем этапе разбирательства (см. *Энукидзе и Гиргвлиани против Грузии*, нет. 25091/07, § 295, 26 апреля 2011 г. и *Бекирски против Болгарии*, нет. 71420/01, §§ 111-13, 2 сентября 2010 г.). Фундаментальное требование состоит в том, чтобы запрашиваемый материал был представлен полностью, если Суд так распорядился, и чтобы любые отсутствующие элементы были должным образом учтены (см. *Дамир Сибгатуллин против России*, нет. 1413/05, §§ 65-68, 24 апреля 2012 г.; *Энукидзе и Гиргвлиани* упомянутое выше, §§ 299-300; и *Давыдов и другие против Украины*, нет. 17674/02 и 39081/02, §§ 167 и последующие, 1 июля 2010 г.). Кроме того, любой запрошенный материал должен быть

незамедлительно и, в любом случае, в течение срока, установленного Судом, поскольку существенная и необъяснимая задержка может привести к тому, что Суд сочтет объяснения государства-ответчика неубедительными (см. *Дамир Сибгатуллин*, § 68; *Тахсин Акар*, § 254; и *Энукидзе и Гиргвлиани*, §§ 297 и 301, все упомянутые выше).

204. Суд ранее установил, что государство-ответчик не выполнило требования статьи 38 в случаях, когда не представили никаких объяснений отказа в представлении запрошенных документов (см., например, *Бекирски* упомянутое выше, § 115; *Тигран Айрапетян против России*, нет. 75472/01, § 64, 16 сентября 2010 г.; и *Маслова и Налбандов против России*, нет. 839/02, §§ 128-29, 24 января 2008 г.) или представил неполную или искаженную копию, отказавшись предоставить оригинал документа для проверки Суда (см. *Трубников против России*, нет. 49790/99, §§ 50-57, 5 июля 2005 г.).

205. В случаях, когда Правительство настаивает на соблюдении конфиденциальности или безопасности соображений в качестве причины непредоставления ими запрошенных материалов, Суд должен был удостовериться в том, что существовали разумные и веские основания для того, чтобы рассматривать рассматриваемые документы как секретные или конфиденциальные. Так, во многих делах, касающихся главным образом исчезновений в Чеченской Республике, российские власти ссылались на положение Уголовно-процессуального кодекса, которое в своих представлениях исключало разглашение документов из материалов следствия. Суд, однако, указал, что рассматриваемое положение не содержит абсолютного запрета, а скорее устанавливает процедуру и ограничения такого раскрытия информации. Он также отметил, что во многих подобных случаях российское правительство представляло запрошенные документы без упоминания этого положения, *Сасита Исраилова и другие против России*, нет. 35079/04, § 145, 28 октября 2010 г. и *Мусиханова и другие против России*, нет. 27243/03, § 107, 4 декабря 2008 г.).

206. Что касается классификации документов как секретных, Суд не удовлетворен в одном случае объяснением правительства-ответчика, согласно которому правила, касающиеся процедуры проверки переписки заключенных, составляли государственную тайну (см. *Давыдов и др.*, упомянутое выше, § 170) или, в другом случае, что национальное законодательство не устанавливает порядок сообщения сведений, составляющих государственную тайну, международной организации (см. *Нолан и К. против России*, нет. 2512/04, § 56, 12 февраля 2009 г.). Суд указал, что, если существовали законные опасения по поводу национальной безопасности, власти Российской Федерации должны были отредактировать деликатные отрывки или предоставить краткое изложение соответствующих фактических оснований (loc. cit.). Наконец, при рассмотрении характера секретной информации Суд принял во внимание, был ли этот документ известен кому-либо за пределами секретных разведывательных служб и высшего

Государственные чиновники. Предполагаемый крайне секретный характер информации был поставлен под сомнение, как только стало ясно, что неспециалисты, такие как адвокат истца в гражданском деле, могут ознакомиться с рассматриваемым документом (*loc. cit.*).

2. Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

207. Уведомляя о двух заявлениях в момент возникновения деле правительству-ответчику, Суд задал сторонам ряд вопросов и просил правительство представить копию постановления от 21 сентября 2004 г. о прекращении производства по уголовному делу №. 159. Правительство отказалось предоставить его, сославшись на гриф секретности на национальном уровне. 5 июля 2011 года Суд принял частичное решение о приемлемости, предложил сторонам представить любые дополнительные материалы, которые они хотели бы довести до его сведения, а также поставил вопрос о соблюдении Правительством своих обязательств по статье 38 Конвенции. Правительство не представило копию запрошенного решения. В ходе разбирательства в Большой палате 30 ноября 2012 г. и 17 января 2013 г. Правительство представило ряд дополнительных документов, которые, однако,

208. Суд повторяет, что статья 38 Конвенции требует Договаривающиеся государства должны предоставить Суду все необходимые условия, независимо от того, проводит ли он расследование по установлению фактов или выполняет свои общие обязанности в отношении рассмотрения заявлений. Будучи хозяином своей собственной процедуры и своих правил, Суд имеет полную свободу в оценке не только допустимости и релевантности, но и доказательной силы каждого представленного ему доказательства. Только Суд может решить, будет ли и в какой степени участие конкретного свидетеля иметь значение для его оценки фактов и какие доказательства должны представить стороны для надлежащего рассмотрения дела. Стороны обязаны выполнять его просьбы и указания о доказательствах, *Давыдов и др.* упомянутое выше, § 174; *Невмержицкий против Украины*, нет. 54825/00, § 77, 5 апреля 2005 г.; и *Ирландия против Соединенного Королевства*, 18 января 1978 г., § 210, Серия А №. 25). Поэтому достаточно, чтобы Европейский суд счел доказательства, содержащиеся в запрошенном решении, необходимыми для установления фактов по настоящему делу (см. *Дедовский и другие против России*, нет. 7178/03, § 107, 15 мая 2008 г., а также *Ахмадова и Садулаева против России*, нет. 40464/02, § 137, 10 мая 2007 г.).

209. Что касается якобы производного характера обязательства предоставить все необходимые условия для его расследования, вытекающие из статьи 38 Конвенции, Суд повторяет, что это обязательство является следствием обязательства не препятствовать эффективному осуществлению права личности

применение в соответствии со статьей 34 Конвенции. Действительно, эффективному осуществлению этого права может помешать неспособность Договаривающейся стороны помочь Суду в проведении изучения всех обстоятельств дела, в том числе, в частности, непредоставление доказательств, которые Суд считает важными для выполнения своей задачи. Оба положения работают вместе, чтобы гарантировать эффективное ведение судебного разбирательства, и они касаются вопросов процедуры, а не существа жалоб заявителей в соответствии с основными положениями Конвенции или протоколов к ней. Хотя структура постановлений Суда традиционно отражает нумерацию статей Конвенции, *Шахгириева и другие против России*, нет. 27251/03, §§ 134-40, 8 января 2009 г.; *Уцаева и другие против России*, нет. 29133/03, §§ 149-53, 29 мая 2008 г.; *Зубайраев против России*, нет. 67797/01, §§ 74-77, 10 января 2008 г.; и *Тангиева*, упомянутое выше, §§ 73-77). Суд также повторяет в этой связи, что он может установить несоблюдение Правительством-ответчиком своих процессуальных обязательств даже при отсутствии какой-либо приемлемой жалобы на нарушение материального права, предусмотренного Конвенцией (см. *Полещук против России*, нет. 60776/00, 7 октября 2004 г.). Кроме того, не требуется, чтобы предполагаемое вмешательство Правительства фактически ограничивало или оказывало какое-либо заметное влияние на осуществление права на подачу индивидуальной жалобы (см. *Макшейн против Соединенного Королевства*, нет. 43290/98, § 151, 28 мая 2002 г.). Суд вновь подтверждает, что процессуальные обязательства Договаривающейся стороны по статьям 34 и 38 Конвенции должны исполняться независимо от возможного исхода разбирательства и таким образом, чтобы избежать какого-либо фактического или потенциального сдерживающего воздействия на заявителей или их представителей.

210. Обращаясь к обоснованию, выдвинутому Правительством для их непредоставления копии запрошенного решения, Суд отмечает, что он сосредоточился на том факте, что решение было законно засекречено на национальном уровне и что существующие законы и правила не позволяли правительству передавать секретные материалы международным организациям в отсутствие гарантии его конфиденциальности.

211. Суд повторяет, что он уже установил в другом деле против России, что простая ссылка на структурный недостаток внутреннего законодательства, делающий невозможным передачу конфиденциальных документов международным органам, является недостаточным объяснением для оправдания сокрытия информации, запрошенной Судом (см. *Нолан и К.*, упомянутое выше, § 56). Он также ранее отклонял аналогичные возражения российского правительства относительно предполагаемого отсутствия гарантий в процедуре Суда, гарантирующих конфиденциальность документов или налагающих

санкции в отношении иностранных граждан за нарушение конфиденциальности (см. *Шахгириева и др.*, упомянутое выше, §§ 136-40). Суд повторяет в этой связи, что Конвенция является международным договором, который в соответствии с принципом *pacta sunt servanda* кодифицированный в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров, является обязательным для Договаривающихся сторон и должен выполняться ими добросовестно. В соответствии со статьей 27 Венской конвенции положения внутреннего права не могут служить оправданием невыполнения Договаривающимся государством своих договорных обязательств. В контексте обязательства, вытекающего из текста статьи 38 Конвенции, это требование означает, что государство-ответчик не может ссылаться на внутренние правовые препятствия, такие как отсутствие специального решения другого органа государства, для обоснования необеспечения всех условий, необходимых для рассмотрения дела Судом. *Луканов против Болгарии*, 20 марта 1997 г., § 40, *Отчет* 1997-II).

212. Несмотря на то, что в ходе разбирательства в Большой палате Правительство представил копии постановлений, вынесенных национальными судами по делу о рассекречивании, они не сделали более очевидным точный характер соображений безопасности, которые повлияли на решение о засекречивании части материалов уголовного дела, включая решение 21 сентября 2004 г. по требованию Суда. Выяснилось, что решение о засекречивании было принято Главной военной прокуратурой не по собственной инициативе, а на основании мнения некоторых должностных лиц ФСБ, имевших «право распоряжаться по своему усмотрению сведения воспроизведены в постановлении Главной военной прокуратуры». Также указывалось, что постановление от 21 сентября 2004 г. содержало сведения «в сфере разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности»,

213. Суд повторяет, что решение национальных властей в любой конкретный случай, когда речь идет о соображениях национальной безопасности, не в состоянии оспорить его. Однако даже в тех случаях, когда на карту поставлена национальная безопасность, концепции законности и верховенства закона в демократическом обществе требуют, чтобы меры, затрагивающие основные права человека, подвергались той или иной форме состязательного разбирательства в независимом органе, компетентном рассматривать причины решения и соответствующие доказательства. Если бы не было возможности эффективно оспорить утверждение исполнительной власти о том, что на карту поставлена национальная безопасность, государственные органы могли бы произвольно посягать на права, защищаемые Конвенцией (см. *Лю*, упомянутое выше, §§ 85-87, и *Аль-Нашиф против Болгарии*, нет. 50963/99, §§ 123-24, 20 июня 2002 г.).

214. В настоящем деле решение Московского городского суда от Постановление от 2 ноября 2010 г., утвержденное Верховным судом, не содержит анализа по существу причин сохранения засекреченности материалов дела. Неизвестно даже, была ли представлена в городской суд копия экспертного заключения, выданного Федеральной службой безопасности. Национальные суды не подвергали какой-либо серьезной проверке утверждение исполнительной власти о том, что информация, содержащаяся в этом решении, должна храниться в секрете более семидесяти лет после событий. Они ограничили сферу своего расследования установлением того, что решение о засекречивании было вынесено в пределах административной компетенции соответствующих органов, не проводя независимой проверки того, имел ли вывод о том, что его рассекречивание представляет угрозу для национальной безопасности, разумные основания на самом деле. . Российские суды не рассмотрели по существу довод «Мемориала» о том, что это решение положило конец расследованию массового убийства безоружных заключенных, то есть одного из грубейших нарушений прав человека, совершенного по приказу высших советских должностных лиц, и что поэтому оно не подлежало засекречиванию в силу статьи 7 Закона о государственной тайне. Наконец, они не соблюдали баланс между предполагаемой необходимостью защиты информации, принадлежащей Федеральной службе безопасности, с одной стороны, и общественным интересом в прозрачном расследовании преступлений прежнего тоталитарного режима и частным интересом родственники жертв в раскрытии обстоятельств их смерти, с другой стороны.

215. Наконец, Суд подчеркивает, что законная национальная безопасность опасения могут быть учтены в его разбирательстве с помощью соответствующих процедурных механизмов, включая ограниченный доступ к рассматриваемому документу в соответствии с правилом 33 Регламента Суда и, *в крайнем случае*, проведение слушания за закрытыми дверями. Хотя российское правительство было полностью осведомлено об этих возможностях, оно не требовало применения таких мер, даже несмотря на то, что сторона, запрашивающая конфиденциальность, обязана сделать и обосновать такой запрос.

216. Соответственно, Суд считает, что в настоящем деле Государство-ответчик не выполнило своих обязательств по статье 38 Конвенции в связи с отказом представить копию документа, запрошенного Судом.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

217. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшей стороне».

A. Ущерб

218. Заявители г-н Ежи Кароль Малевич, г-н Яновец и Г-н Трыбовски потребовал компенсацию за потерю их отца и деда соответственно. Все заявители также требовали компенсации морального вреда в связи с предполагаемыми нарушениями статей 2 и 3 Конвенции, оставляя определение размера справедливой компенсации на усмотрение Суда.

219. Правительство оспорило их требования.

220. Суд не установил нарушения статьи 2 или статьи 3 Конвенции, как утверждают заявители. Несоблюдение Правительством Российской Федерации статьи 38 Конвенции было процедурным вопросом, который не требует присуждения заявителям справедливой компенсации. Соответственно, Суд отклоняет требования заявителей в отношении материального и морального вреда.

B. Затраты и расходы

221. Заявители требовали следующие суммы:

(i) 25 024,82 евро (EUR) в качестве судебных издержек для г-на Шевчика (исключая юридическая помощь, полученная от суда);

(ii) 7 000 евро в качестве судебных издержек г-на Карпинского и г-жи Ставицкой в Российское судопроизводство;

(iii) 7 581 евро и 1 199,25 польских злотых за транспорт и перевод расходы, понесенные в связи с разбирательством в Палате;

(iv) 4 129 евро на транспортные расходы и расходы на проживание, связанные с подготовка и участие адвокатов и заявителей в слушаниях, на которых было вынесено решение Палаты, и в слушаниях Большой Палаты;

(v) 124 евро за перевод и почтовые расходы в Большой палате производство.

222. Кроме того, заявитель г-н Ежи Кароль Малевич утверждал 2 219,36 долл. США в качестве возмещения его дочери и его собственных расходов на проезд и проживание, понесенных в связи с их присутствием на слушаниях в Палате.

223. Правительство отметило, что гонорары г-на Шевчика, по-видимому, чрезмерным, что необходимость дорожных расходов не была убедительно доказана и что два российских адвоката принимали участие только во внутригосударственном «реабилитационном» разбирательстве, выходящем за рамки настоящего дела. Более того, иск российского адвоката не основывался на какой-либо ставке оплаты и не был увязан с объемом фактически выполненной работы. Расходы, связанные с присутствием заявителей на слушании дела и заседании Большой палаты, не обязательно были понесены, поскольку интересы заявителей представляла команда из трех адвокатов. Наконец, по их собственному признанию, г-н Каминский и г-н Сочанский выполняли юридическую работу *на безвозмездной основе* на основании, которое, по мнению властей Российской Федерации, не позволяло им требовать каких-либо сумм для подготовки дела.

224. Суд повторяет, что он не нашел нарушений со стороны заявителей. предполагаемый. Тем не менее он признает, что несоблюдение Правительством Российской Федерации статьи 38 Конвенции вызвало дополнительный объем работы для представителей заявителей, которые должны были рассмотреть этот вопрос в своих письменных и устных заявлениях. Однако он считает, что суммы, которые были выплачены представителям в качестве правовой помощи, были достаточными в данных обстоятельствах. Соответственно, Суд отклоняет требования о возмещении судебных издержек и издержек.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. *Держит*, единогласно, что г-н Петр Малевич и г-н Казимеж Рачиньский имеют право подать заявление вместо покойного г-на Кшиштофа Яна Малевича и покойной г-жи Галины Михальской соответственно;
2. *Держит*, тринадцатью голосами против четырех, что Суд не обладает компетенцией рассматривать жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции;
3. *Держит* двенадцатью голосами против пяти, что не было нарушения статьи 3 Конвенции;
4. *Держит* единогласно заявили, что государство-ответчик не выполнило своих обязательств по статье 38 Конвенции;
5. *Увольняет* двенадцатью голосами против пяти - требование заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичных слушаниях во Дворце прав человека в Страсбурге 21 октября 2013 года.

Эрик Фриберг
Регистратор

Хосеп Касадеваль
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (a) совпадающее мнение судьи Гюлумян;
- (b) совпадающее мнение судьи Дедова;
- (c) частично совпадающее и частично особое мнение судьи Войтычека;
- (d) совместное частично особое мнение судей Зиемеле, Де Гаэтано, Лаффранк и Келлер.

Джей Си
ЭФ

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЮЛУМЯНА

Хотя я разделяю мнение большинства по всем пунктам данного дела, тем не менее у меня есть определенные оговорки более общего характера в отношении подхода Суда к требованиям «гуманитарной оговорки» и «подлинной связи». Обосновывая свою позицию, Суд сослался на фактор времени, принимая во внимание период времени между смертью родственников заявителей и вступлением в силу Конвенции. Я не нахожу это рассуждение убедительным. Государство обязано провести тщательное расследование, когда речь идет о грубых нарушениях прав человека (геноцид, преступления против человечности и военные преступления). Тот факт, что рассматриваемые преступления были совершены до вступления в силу Конвенции, не имеет решающего значения.

Рациональное время.

Я действительно считаю, что нарушения прав человека такого рода могут быть предотвращены и устранены в будущем только при наличии желания и готовности государства-ответчика противостоять своему прошлому и не хоронить свою историю под покровом. В этой связи я придаю особое значение тому факту, что было проведено расследование и что советскими, а затем и российскими властями было предпринято значительное количество действий, направленных на признание ответственности за Катынский расстрел и воздание памяти жертвам (см. 38, 41 и 73).

Если бы вышеупомянутые действия не были предприняты и расследование не было проведено, то есть если бы имело место абсолютное отрицание преступления, я предпочел бы вместо этого присоединиться к особому мнению судей Зиемеле, Де Гаэтано, Лаффранк и Келлер.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Ответственность за деяния должна быть определена в соответствии с действующим законодательством. Для этой цели закон (в данном случае Конвенция) не должен применяться ретроспективно. Этот принцип поддерживается решением и применяется ко всем государствам-членам. Вот почему особый статус преступлений против человечности не может преобладать над этим процессуальным принципом, поскольку он касается иных дел. Признание того, что Суд не обладает юрисдикцией *Рациональное время* равносильно признанию правомерной ситуации, влекущей за собой нарушение *jus cogens* правила, такие как запрет военных преступлений.

В поддержку выводов судебного решения я хотел бы подчеркнуть, что защита, обеспечиваемая *jus cogens* правилами основаны на ответственности отдельных лиц, а не государства (начиная с Нюрнбергского процесса, организованного для судебного преследования видных представителей политического, военного и экономического руководства нацистской Германии). Даже в международных конфликтах важно придерживаться такого подхода и не обвинять автоматически государство. В частности, в 1940 году Российской Федерации не существовало, а Советский Союз был тоталитарным государством, в котором большое количество семей пострадало при сталинском режиме, а миллионы людей подверглись убийствам без справедливого суда. Приказ Политбюро санкционировал расстрел польских военнопленных и тысяч советских граждан одновременно. Действительно, правильнее было бы наказать членов Политбюро, а не само государство.

Кроме того, это преступление против человечности не было поддержано гражданами молча, и они не уполномочили своих представителей в парламенте для какой-либо цели, как это происходит в настоящее время, когда речь идет о военном вторжении в другую страну. В таком случае государство должно нести полную ответственность за каждую жизнь, потерянную в результате этого вторжения. Все это говорит о том, что система Конвенции и *jus cogens* правила в глобальном контексте должны эффективно служить современному миру, а не истории.

ЧАСТИЧНО СОГЛАСНЫ И ЧАСТИЧНО НЕ СОГЛАСНЫ МНЕНИЕ СУДЬИ ВОЙТЫЧЕК

(Перевод)

1. Я не разделяю мнение об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции государством-ответчиком; я также не могу присоединиться к аргументу большинства относительно применимости статьи 2 Конвенции.

2. Во-первых, здесь необходимо подчеркнуть ряд обстоятельств, важных для оценки данного дела. Мало того, что заявители потеряли своих родственников и затем столкнулись с официальной пропагандой, приписывающей преступление немцам, но и на протяжении многих лет в Советском Союзе и Польше любая частная попытка провести расследование правды о Катынском расстреле каралась, как и распространение информации, собранной по этому вопросу. Таким образом, нельзя точно сказать, что предполагаемые события произошли более семидесяти лет назад: напротив, различные формы нарушения основных прав заявителей были характерны для всего периода коммунистического режима в обеих странах. Здесь следует добавить, что для потерпевших от преступления или их родственников время не всегда течет одинаково в разных состояниях. С точки зрения защиты прав человека десятилетия в тоталитарном государстве нельзя сравнивать с таким же промежутком времени в демократическом правовом государстве. Следовательно, аргумент относительно истечения срока, на который иногда ссылаются для оправдания прекращения юридических обязательств в отношении прав человека (см., например, пункт 157 постановления), всегда должен рассматриваться в конкретном историческом контексте каждой страны. Кроме того, заявители подробно описали различные действия и бездействие российских властей после даты вступления в силу Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении Российской Федерации. В частности, они сообщают о пренебрежительных высказываниях в их адрес со стороны некоторых представителей российских властей. Решение Палаты (см. *Яновец и другие против России*, нет. N 55508/07 и 29520/09 от 16 апреля 2012 г.) установил ряд важных фактов, отражающих пренебрежительное и пренебрежительное отношение этих властей. Отмечу, что Большая Палата не сочла нужным высказывать позицию по этому поводу в своем решении.

3. Конвенция является международным договором, а не конституцией. Неоспорим тот факт, что, хотя международные договоры о защите прав человека и обладают определенными специфическими и важными чертами, оказывающими беспорное влияние на их применение и толкование, тем не менее они по-прежнему подчиняются правилам толкования договоров, разработанным в рамках обычного международного права и кодифицированным в Венской конвенции о праве международных договоров («Венская конвенция»). Действительно, Суд прямо

подтвердил в ряде случаев применимость этих правил толкования, ссылаясь на положения Венской конвенции (см., например, решения в *Голдер против Соединенного Королевства*, 21 февраля 1975 г., Серия А №. 18; *Джонстон и другие против Ирландии*, 18 декабря 1986 г., Серия А №. 112; и *Саади против Соединенного Королевства* [ГК], нет. 13229/03, ЕСПЧ 2008 г.; и решение в *Банкович и другие против Бельгии и других* (уб.) [ГК], вып. 52207/00, ЕСПЧ 2001-ХІІ). Хотя этот последний договор как таковой не применяется к Конвенции, он остается отправной точкой в той мере, в какой он кодифицирует нормы обычного договорного права.

В соответствии с общим правилом толкования, изложенным в статье 31 Венской конвенции, договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, придаваемым терминам договора в их контексте и в свете его объекта и цели. Следовательно, Конвенцию следует рассматривать в свете ее объекта и цели, которая заключается в эффективной защите определенного числа изложенных в ней основных прав человека.

Конвенция, бесспорно, является живым инструментом, поскольку ее применение должно придавать постоянную материальную силу общим правилам через прецедентное право и в до сих пор не рассмотренных ситуациях. В этом отношении он существенно не отличается от большинства других международных договоров. Толкование Конвенции как живого документа подлежит ограничениям, установленным правилами, регулирующими толкование международных договоров.

Легитимность международного суда зависит от *среди прочего*, на убедительность его решений. Рассматриваемый здесь случай поднимает фундаментальные вопросы толкования и применения Конвенции и других норм конвенционного или обычного международного права. Решение Суда, устанавливающее толкование Конвенции в настоящем деле, требует максимальной методологической бдительности. Решение о толковании в международном праве предполагает (а) точное определение и формулировку применимых правил толкования; (b) отчет о положениях, подлежащих толкованию, и их контексте (по смыслу права международных договоров); (c) формулировку заключения, которая с достаточной точностью излагает правовую норму, вытекающую из международного текста, истолкованного таким образом; и (d) обоснование рассматриваемого решения, с учетом правил толкования, примененных в деле. Я сожалею, что большинство отказалось следовать такой методологии. Кроме того, по моему мнению, принятый подход противоречит нормам международного права, касающимся толкования и сферы действия договоров.

4. Первостепенный вопрос, возникающий в настоящем деле, заключается в временная сфера действия Конвенции. Отвечая на вопрос, в первую очередь необходимо провести четкое различие между двумя понятиями: временным охватом Конвенции (иными словами, временным значением Конвенции) и юрисдикцией Суда. *Рациональное время*. В то время как временная сфера действия договора является вопросом материального права, пределы юрисдикции *Рациональное время*

международного органа регулируется правилами юрисдикции. Кроме того, следует отметить, что временная сфера действия Конвенции варьируется в зависимости от Высоких Договаривающихся Сторон. На практике, в соответствии с нормами права договоров, Конвенция вступает в силу в отношении Высокой Договаривающейся Стороны в день ее ратификации и создает обязательства с этой даты.

Юрисдикция *Рациональное время* международного суда не обязательно совпадает с временной сферой действия договора, который он призван применять. Тем не менее формулировка рассуждений в этом решении, кажется, не принимает во внимание это научное различие, которое может иметь важное практическое значение.

Если предполагаемое нарушение Конвенции не подпадает под временные рамки Конвенции, вопрос о юрисдикции Суда по установлению такого нарушения лишен смысла. Напротив, тот факт, что предполагаемое нарушение Конвенции подпадает под временную сферу действия Конвенции, не означает автоматически, что Суд обладает юрисдикцией для его рассмотрения. Правовая норма, определяющая сферу юрисдикции Суда, может фактически ограничить такую юрисдикцию в отношении определенных нарушений международных обязательств, вытекающих из Конвенции. Чтобы проиллюстрировать этот момент, можно было бы сослаться на ситуацию государств, которые сделали заявление о признании компетенции Европейской комиссии по правам человека рассматривать индивидуальные жалобы в соответствии с правовым режимом, действовавшим до 1 ноября 1998 г., т.е. до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, реструктуризации созданного им контрольного механизма. Такое заявление могло бы признать компетенцию Комиссии по вопросам, возникающим после или на основании фактов, имевших место после данного заявления. Нарушения Конвенции, совершенные между датой ее вступления в силу в отношении государства, сделавшего заявление, и датой такого заявления подпадают под временную сферу применения Конвенции, но выходят за рамки юрисдикции Суда. *Рациональное время* (см. статью 6 Протокола № 11).

При рассмотрении любого заявления о предполагаемых нарушениях прав человека, прежде чем ответить на вопрос о временной юрисдикции Суда, необходимо сначала проверить, подпадают ли предполагаемые факты под временную сферу применения Конвенции. Для этого необходимо недвусмысленно установить норму Конвенции, применимую к Высокой Договаривающейся Стороне, и точно определить ее временные рамки.

5. Одним из основополагающих принципов международного права является принцип отсутствия обратной силы договоров. Этот принцип международного обычного права был кодифицирован в статье 28 Венской конвенции, сформулированной следующим образом:

Статья 28. Отсутствие обратной силы договоров

«Если иное намерение не вытекает из договора или не установлено иным образом, его положения не имеют обязательной силы для какой-либо стороны в отношении какого-либо действия или факта, имевших место, или любой ситуации, прекратившей свое существование до даты вступления в силу договора с уважением к этой партии».

Когда временная сфера действия международного договора определена, необходимо, во-первых, проверить, намеревались ли стороны придать ему обратную силу. Ничто в тексте Конвенции или дополнительных протоколов к ней не указывает на то, что Высокие Договаривающиеся Стороны намеревались придать Конвенции обратную силу. По моему мнению, такое намерение со стороны Высоких Договаривающихся Сторон не вытекает из других элементов, имеющих значение при толковании этого договора. Напротив, кажется, что цели Конвенции были исключительно перспективными: учитывая болезненное прошлое Европы, вопрос заключался в предотвращении нарушений прав человека в будущем.

Понятия обратной силы и необратимости правовых норм поднимают особенно сложные вопросы, которые исследуются как юридической теорией, так и учеными международного права. Я прекрасно понимаю, что однозначно определить содержание принципа отсутствия обратной силы договоров непросто. В частности, характеристика событий как представляющих одну ситуацию или ряд различных ситуаций часто может быть предметом обсуждения. Кроме того, обнаружение продолжающегося (настоящего) или прекращенного (прошлого) характера ситуации часто является вопросом более или менее субъективной оценки. В этих обстоятельствах принцип отсутствия обратной силы Конвенции должен толковаться и применяться с определенной гибкостью, принимая во внимание особый характер и объект этого международного договора.

Ясно, что положения Конвенции не связывают Сторону в отношении каких-либо действий или фактов, имевших место до даты ее вступления в силу в отношении этой Стороны, или любой ситуации, которая прекратила свое существование на эту дату. Конвенция, рассматриваемая в свете правил толкования международных договоров, не допускает исключений из этого правила. С другой стороны, он может применяться к продолжающимся ситуациям, существовавшим на дату вступления Конвенции в силу в отношении соответствующего государства.

Следует добавить, что, хотя пункт 2 статьи 32 Конвенции уполномочивает Суд выносить решения в отношении объема своей собственной юрисдикции, он не разрешает ему расширять эту юрисдикцию за пределы своей компетенции, как это определено другими положениями Конвенции. Принимая решение на основании пункта 2 статьи 32, Суд связан всеми другими правовыми нормами, определяющими его юрисдикцию.

6. Суд прямо признал принцип не-

обратную силу Конвенции и применяла ее последовательно в течение многих лет (см., например, решение в *Кадикис против Латвии*, нет. 47634/99, 29 июня 2000 г., и решение по делу *Блечич против Хорватии* [ГК], нет. 59532/00, ЕСЧР 2006-III и прецедентную практику, указанную в этом решении). Как подчеркивается в рассуждениях *Блечич* Постановление, «Суд, учитывая его вспомогательную роль в защите прав человека, должен проявлять осторожность, чтобы не достичь результата, равносильного принуждению национальных властей к ретроактивному применению Конвенции» (§ 90 *в итоге*).

Решение в *Шилих против Словении* [ГК], нет. 71463/01, 9 апреля 2009 г.) является существенным отклонением от прецедентного права. Суд постановил в этом решении:

«161. ... временная юрисдикция Суда в отношении соблюдения процессуального обязательства статьи 2 в отношении смертей, наступивших до критической даты, не является бессрочной.

...

163. ... должна существовать реальная связь между смертью и вступлением в силу Конвенции в отношении государства-ответчика, чтобы процессуальные обязательства, налагаемые статьей 2, вступили в силу.

Таким образом, значительная часть процессуальных действий, требуемых этим положением, которые включают не только эффективное расследование смерти соответствующего лица, но и возбуждение надлежащего судебного разбирательства с целью установления причины смерти и привлечения виновных к ответственности. ... – будет или должно быть выполнено после критической даты.

Однако Суд не исключает, что при определенных обстоятельствах связь может также основываться на необходимости обеспечения реальной и эффективной защиты гарантий и основополагающих ценностей Конвенции».

Анализ этого постановления показывает, что государство обязано расследовать смерть, наступившую до даты вступления в силу Конвенции в его отношении (а) когда значительная часть процессуальных действий *были* проводится после «критической даты»; (b) когда значительная часть процессуальных действий *должно было быть* проводится после «критической даты»; или (с) когда необходимо обеспечить, чтобы гарантии и основополагающие ценности Конвенции были защищены реальным и эффективным образом. Таким образом, соответствующее государство может по своей собственной инициативе начать применение нормы Конвенции, требующей проведения эффективного расследования, если оно принимает меры по расследованию событий, имевших место до ратификации им Конвенции. Новый подход, предложенный в цитированном выше *Шилих* затем решение было подтверждено многочисленными последующими решениями.

Я разделяю мнение тех, кто утверждает, что такой подход равнозначен наложению на Высокие Договаривающиеся Стороны ретроактивных обязательств, которые они не могли предвидеть в момент ратификации Конвенции. Я также присоединяюсь к весьма критическим взглядам, высказанным судьями Братца и

Тюрмен в своем особом мнении присоединился к вышеприведенному *Шилих* суждению. Доводы большинства в этом случае, по моему мнению, не подкреплены аргументами, которые подтверждали бы намерение Высоких Договаривающихся Сторон придать Конвенции обратную силу. Следует также отметить попутно, что практические последствия критериев, определенных в *Шилих* решения варьировались от одного государства к другому, в зависимости от даты ратификации Конвенции, и имеют особое значение для тех государств, которые недавно ратифицировали Конвенцию. В этих обстоятельствах было бы желательно, чтобы Суд согласился вернуться к своему первоначальному толкованию принципа отсутствия обратной силы Конвенции.

7. Как справедливо заметил судья Лоренцен в своем согласии мнение, присоединившееся к вышеизложенному *Шилих* решению, критерии, установленные в этом решении, не очень ясны. Термин «подлинная связь» между смертью и ратификацией Конвенции не представляется адекватным и может быть источником путаницы, поскольку его лингвистическое значение не отражает содержания, приписываемого ему Судом. На первый взгляд может показаться, что существует связь между ратификацией договора и нарушениями прав человека, если эта ратификация представляет собой реакцию на нарушения прав человека, совершенные в прошлом. Кроме того, в то время как *Шилих* Постановление гласит, что статья 2 Конвенции применима к ситуации, в которой «процессуальные действия, необходимые...*должно было быть* проведенное после критической даты», возникает вопрос о характере (внутренней? международной?) правовой нормы, из которой должно вытекать это обязательство по расследованию.

Важно отметить, что применение критериев, установленных в *Шилих* приводит к выводу, что предполагаемое нарушение Конвенции в данном случае подпадает под временную сферу действия настоящего договора. Во-первых, следует отметить, что ратификация Россией Конвенции была именно реакцией на массовые нарушения прав человека, совершенные при коммунистическом режиме, например расправу над польскими военнопленными, поскольку она была призвана предотвратить подобные нарушения в будущем. . Существование «подлинной связи» в обычном значении этих слов вряд ли подлежит сомнению. Во-вторых, в соответствии с внутрироссийским законодательством и нормами международного права, применимыми в России, российские власти были обязаны привлечь к ответственности виновных в расправе над польскими военнопленными. В тех обстоятельствах, *должно было быть* проводится после «критической даты» (один из критериев *Шилих* приговор). Кроме того, значительная часть следственных мероприятий действительно проводилась после вступления Конвенции в силу в отношении России (альтернативный критерий из *Шилих* приговор). В-третьих, учитывая серьезность совершенных нарушений прав человека, «подлинная связь» здесь основывается, независимо от вышеизложенных соображений, на необходимости обеспечения того, чтобы

гарантии и основополагающие ценности Конвенции защищены реальным и эффективным образом.

8. В данном случае большинство предложило изменить критерии, установленные в *Шилих* судебного решения, ограничив обратную силу, придаваемую Конвенции в этом судебном решении. Во-первых, они утверждают, что «подлинная связь» между событием и ратификацией Конвенции существует, если промежуток времени между ними относительно невелик. Во-вторых, они установили максимальный срок этого промежутка времени в десять лет. В-третьих, хотя они признают, что требования охраны ценностей Конвенции могут потребовать принятия более длительного срока, они устанавливают срок для ретроактивного применения Конвенции 4 ноября 1950 года. Такое толкование Конвенции представляет собой новое отход от прецедентного права и не находит достаточного обоснования в применимых в данном случае нормах международного права о толковании договоров.

9. Несомненно, что в то время, когда резня поляков пленных, существовали достаточно четкие нормы международного гуманитарного права, которые запрещали такие действия и были обязательными для Советского Союза. Эта бойня является военным преступлением по смыслу международного права. Более того, нормы международного права, применимые к России, возложили на нее обязанность привлекать к ответственности лиц, совершивших это преступление. В этом отношении я разделяю мнение, выраженное судьями Зиемеле, Де Гаэтано, Лаффранком и Келлером в их особом мнении, в котором эти вопросы подробно анализируются.

Я полностью согласен с тем, что Конвенция должна толковаться в свете и в контексте международного права в целом и международного гуманитарного права в частности. Однако такое толкование не допускает расширения сферы действия Конвенции, как это было определено самой Конвенцией. Конвенция не обязывает расследовать или наказывать за нарушения прав человека, какими бы серьезными они ни были, которые выходят за рамки ее временного или территориального охвата. Обязательство наказывать за военные преступления, подобные рассматриваемым здесь, может, напротив, возникать в соответствии с другими нормами международного права. В любом случае Суд не обладает юрисдикцией выносить решения о нарушениях прав человека, которые подпадают под нормы международного гуманитарного права, но не подпадают под действие Конвенции или Протоколов к ней.

Из аргументов, изложенных выше, следует сделать вывод, что массовое убийство польских военнопленных в 1940 году выходит за временные рамки Конвенции и что статья 2 Конвенции не налагает обязательства проводить уголовное расследование этих событий.

10. В соответствии с принципом отсутствия обратной силы договоров Суд обладает юрисдикцией в данном случае только для рассмотрения действий и бездействия российских властей с даты вступления Конвенции в силу в отношении России.

В соответствии со статьей 3 Конвенции любые действия властей Высокой Договаривающейся Стороны должны соответствовать запрету на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Это обязательство защищает, *среди прочего*, родственники жертв различных преступлений, независимо от того, налагает ли Конвенция на власти обязанность преследовать виновных в совершении преступлений. Родственники умерших особенно уязвимы перед действиями и бездействием властей, которые в этом контексте обязаны действовать со всем тактом и чуткостью, которые требуются в данных обстоятельствах.

Заявители считали действия и бездействие российских властей после 1998 года нарушением статьи 3. Суть их жалоб заключается в пренебрежительном и пренебрежительном отношении последних. Предполагаемые факты выходят далеко за рамки обычных последствий исчезновения или необъяснимой смерти родственника. Предполагаемые нарушения по своему характеру и тяжести отличаются от жалобы по статье 2 и, следовательно, должны быть подробно рассмотрены отдельно от вопроса о приемлемости этой статьи, как это действительно сделала Палата в своем решении от 16 апреля 2012 г.

Комитет ООН по правам человека разработал интересную судебную практику на основе статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, упомянутой в настоящем решении Большой палаты. Это прецедентное право позволяет полностью соблюдать принцип отсутствия обратной силы договоров, и Палата опиралась на него при рассмотрении жалобы по статье 3 Конвенции. В этом отношении я в целом согласен с выводом решения Палаты.

К этому следует добавить, что в течение многих лет заявители пережили тройную травму: страдания, вызванные потерей их близких, официально организованной ложью и наказанием за любую попытку установить правду. На дату ратификации Конвенции Россией ситуация была такова, что те заявители, которые знали, что их родственники стали жертвами военного преступления, все еще пытались получить более конкретную информацию об их судьбе и местонахождении их могил. Как указала Палата, заявителям было отказано в доступе к материалам следствия или судебного разбирательства на основании их иностранного гражданства. Военные суды последовательно избегали упоминания о казни жертв. Кроме того, как судьи Шпильманн, Виллигер и Нусбергер указали в своем особом мнении, присоединенном к постановлению Палаты, что против родственников заявителей были выдвинуты серьезные обвинения уголовного характера. Эти трое судей были правы, заявив, что трудно не согласиться с доводом заявителей о том, что такой вывод российских судов «предполагает наличие уважительных причин для казни их родственников, как если бы они были обычными преступниками». заслуживает смертной казни».

В этих обстоятельствах, принимая во внимание поведение властей, взятые вместе с различными фактами дела, имело место нарушение статьи 3 Конвенции. По моему мнению, ситуация заявителей представляет собой вопиющий пример страданий, которые имеют «размеры и характер, отличные от эмоционального страдания, которое можно считать неизбежно причиненным ближайшим родственникам жертв военного преступления».

Этот вывод относится ко всем заявителям по настоящему делу. По этому последнему пункту я не разделяю мнение Палаты, которая сочла необходимым провести различие между двумя категориями заявителей. По моему мнению, все заявители продемонстрировали, что у них были очень тесные семейные связи с жертвами массового убийства и что они были причастны к попыткам установить правду об этом событии. В частности, тот факт, что некоторые из заявителей никогда не имели личных контактов со своими отцами, не кажется мне уместным аргументом. Наоборот, это отсутствие контакта с одним из родителей обычно вызывает особенно глубокое страдание.

11. Следует отметить, что настоящее дело было передано в Большой Палата по ходатайству заявителей. Хотя Конвенция не устанавливает запрета на *реформация в пей*, ситуация парадоксальна в том смысле, что средство правовой защиты, предусмотренное статьей 43 Конвенции и использованное заявителями с целью обеспечения защиты прав человека, в конечном итоге привело к вынесению решения Большой палаты, которое является для них гораздо менее благоприятным, чем Палата суждение.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЗИМЕЛЕ, ДЕ ГАЭТАНО, ЛАФФРАНКА И КЕЛЛЕРА

1. Мы согласны с выводом большинства о том, что статья 38 Конвенция нарушена. К нашему большому сожалению, мы не можем согласиться с мнением большинства относительно выводов по статьям 2 и 3. Это дело касается неоспоримого обязательства расследовать и преследовать в судебном порядке грубые нарушения прав человека и гуманитарного права, которые в соответствии с международным правом не подлежат сроку давности. Массовые убийства советскими властями польских военнопленных являются военными преступлениями. Очевидно, что в данном случае Суд был призван выявить связь между Конвенцией и одним из важнейших обязательств в международном праве. Поэтому мы убеждены, что Суд должен был провести различие между этим делом и предыдущими делами о юрисдикции *Рациональное время* или применил *Шилих* Принципы разные (см. *Шилих против Словении* [ГК], нет. 71463/01, 9 апреля 2009 г.). В частности, это дело было бы идеальной возможностью для применения «гуманитарной оговорки». Ниже приведены аргументы в поддержку этих двух позиций.

2. Мы сосредоточим наши рассуждения на вопросе о юрисдикции *разум temporis* для применения статьи 2. Поскольку, как мы покажем ниже, по нашему мнению, Суд должен был принять на себя юрисдикцию и установить нарушение статьи 2, нет необходимости проводить различие между различными группами потерпевших (как это сделала Палата относительно статуса жертвы в соответствии со статьей 3 Конвенции в отношении страданий различных членов семьи – см. пункты 153 и 154 постановления Палаты (см. *Яновец и другие против России*, нет. 55508/07 и 29520/09, 16 апреля 2012 г.)). В делах по статье 2 Суд признает потерпевшими не только оставшихся в живых родителей, супругов, детей и братьев и сестер, но также дядюшек и теток, внуков и родственников (см., например, *Исаева против России*, нет. 57950/00, § 201, 24 февраля 2005 г. и *Эстамиров и другие против России*, нет. 60272/00, § 131, 12 октября 2006 г.).

3. Правовой основой для всех вопросов юрисдикции является статья 32 Соглашение. Напомним формулировку пункта 2 статьи 32: «В случае спора о том, обладает ли Суд юрисдикцией, решение принимает Суд».

I. Разница между *Шилих* и *Яновец*

4. Рассматриваемый случай вряд ли можно сравнить с ситуацией в *Шилих* (цитируется выше). *Шилих* речь идет о смерти в результате врачебной ошибки, тогда как *Яновец* имеет дело с расправой над двадцатью одной тысячей польских военнопленных.

5. Мы признаем, что принципы, регулирующие юрисдикцию Суда должны быть одинаковыми для всех случаев. Однако основания для объявления *Шилих* тип ситуации, которая не подпадает под юрисдикцию Суда, может измениться в

Яновец тип кейса. В первом аргумент о том, что эффективное расследование может быть затруднено через определенный период времени, понятен и правилен. Однако в последнем случае расследование существенно зависит не от имеющихся доказательств, а скорее от доброй воли заинтересованного государства. В первом случае доказательства представляют собой технический вопрос, который со временем становится все труднее собирать. В последнем случае окончательные доказательства имеются в российских архивах, несмотря на то, что с момента события прошло семьдесят лет.

II. Применение *Шилих* принципа *Яновец*

6. Даже если основывать свои рассуждения на принципах, установленных в *Шилих* решение, рассматриваемое дело дает широкие возможности для признания юрисдикции Суда *Рациональное время* в конкретных обстоятельствах дела.

7. Можно согласиться с мнением большинства о том, что *Шилих* принципы нуждаются в разъяснении (см. пункты 140-41 постановления). В ситуации, когда рассматриваемая смерть наступила до критической даты, юрисдикция Суда ограничивается периодом после этой даты для процессуальных обязательств, вытекающих из статьи 2 Конвенции (первый принцип). Для установления юрисдикции Суда *Рациональное время*, Суд требует «реальной связи» между смертью и вступлением в силу Конвенции в отношении соответствующего государства (второй принцип). Если нет подлинной связи, Суд может в порядке исключения взять на себя юрисдикцию, исходя из необходимости обеспечить реальное и эффективное применение и соблюдение гарантий и основных ценностей Конвенции (третий принцип, так называемая гуманитарная оговорка). Мы не согласны, однако, с некоторыми аспектами разъяснения и конкретного применения этих принципов к рассматриваемому делу, когда решение большинства упустило из виду жизненно важные фактические и юридические элементы.

а) первый Шилих принцип: процессуальные действия и бездействие после решающей даты

8. Что касается первого принципа, то большинство определяет «процессуальные действия» в узком пути, то есть в смысле «действий, совершаемых в рамках уголовного, гражданского или дисциплинарного производства, которые могут привести к установлению и наказанию виновных или к присуждению компенсации», и исключает «другие виды расследований, которые могут быть проведены для других целей, таких как установление исторической правды» (см. пункты 143 и последующие постановления).

9. Это различие проблематично по двум причинам. Во-первых, два типа разбирательства могут очень часто идти рука об руку, и на практике будет трудно отделить одно от другого. Иногда один процессуальный шаг является предварительным условием для другого. Во-вторых, в международном праве есть четкое

тенденция к признанию права на установление истины в случаях грубых нарушений прав человека (см. Комитет ООН по правам человека, *Мариам Санкара и др. против Буркина-Фасо*, Сообщение № 1159/2003, § 12.2, и *Щедко против Беларуси*, Сообщение № 886/1999, § 10.2; см. также 8-ю часть преамбулы и статью 24(2) Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, Нью-Йорк, 20 декабря 2006 г., в силе с 23 декабря 2010 г., 40 государств-участников). Суд также признал такое право в своей судебной практике (см. решение Палаты по этому делу, § 163; см. также *Эль-Масри против бывшей югославской Республики Македония* [ГК], нет. 39630/09, § 191, ЕСПЧ 2012 г.; *Варнава и другие против Турции* [ГК], вып. 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, §§ 200-02, ЕСПЧ 2009 г.; и *Ассоциация «21 декабря 1989 г.» и другие против Румынии*, нет. 33810/07 и 18817/08, § 144, 24 мая 2011 г.).

10. В соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции Суд требует тщательное и эффективное расследование всякий раз, когда лицо убито или предположительно убито представителями государства (касательно статьи 2 см. *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства* [ГК], нет. 55721/07, §§ 163 и 166-67, ЕСПЧ 2011 г. и *Базоркина против России*, нет. 69481/01, §§ 117-19, 27 июля 2006 г.; смотрите также *Исаева против России*, нет. 57950/00, 24 февраля 2005 г.; *Исаева и другие против России*, нет. 57947/00, 57948/00 и 57949/00, 24 февраля 2005 г.; и *Хашиев и Акаева против России*, нет. 57942/00 и 57945/00, 24 февраля 2005 г.), или всякий раз, когда выдвигается спорное утверждение о нарушении статьи 3 (см. *Эль-Масри*, упомянутое выше, § 182). Например, в *Эль-Масри* (упомянутое выше, § 182) Большая палата установила:

«[В] случаях, когда лицо выдвигает спорное заявление о том, что оно подверглось обращению, нарушающему статью 3, со стороны полиции или других аналогичных представителей государства, это положение рассматривается в сочетании с... статьей 1 Конвенции...», подразумевает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование... способное привести к установлению и наказанию виновных».

Что касается статьи 2, Суд заявил:

«Расследование должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к установлению того, было ли применение силы оправданным в данных обстоятельствах, а также к установлению и наказанию виновных. Это обязательство не результата, а средства. Власти должны принять доступные им разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента...» (см. *Аль-Скейни и другие*, упомянутое выше, § 166)

В делах об исчезновениях Суд подчеркивает:

«Процессуальное обязательство потенциально будет сохраняться до тех пор, пока судьба человека не будет раскрыта; продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение. Это справедливо даже в том случае, если в конечном счете можно предположить смерть, и даже если эта смерть наступила до ратификации Конвенции государством-ответчиком». (видеть *Ташухаджиев против России*, нет. 33251/04, § 76, 25 октября 2011 г.)

11. При определении того, является ли процессуальная обязанность по расследованию убийства польских военнопленных подпадать под *Рациональное время* юрисдикции Суда, большинство ссылается на соответствующие принципы, недавно разъясненные в трех основных решениях: *Варнава и другие* (процитировано выше), *Шилих* (приведенный выше), и *Блечич против Хорватии* ([ГК], нет. 59532/00, ЕСПЧ 2006-III – см. пункты 128-31 постановления). Следует указать, что в *Варнава и другие* Суд рассмотрел конкретную ситуацию продолжающихся нарушений прав человека, в отношении которых Турция не разъяснила факты. Суд, ссылаясь на свое прежнее прецедентное право, принял во внимание особенности рассматриваемого дела. Фактически, он опроверг утверждение правительства о *Блечичи* его аргумент, «что жалобы на такие расследования или их отсутствие не соответствуют принципу, согласно которому процедуры, направленные на устранение нарушений, не влияют на отсутствие временной юрисдикции в отношении фактов, имевших место заранее» (*Варнава и другие*, упомянутое выше, § 136). Суд постановил следующее (там же, § 136):

«Этот аргумент несостоятелен, поскольку процессуальное обязательство провести расследование в соответствии со статьей 2 не является процедурой возмещения ущерба по смыслу пункта 1 статьи 35. Само отсутствие эффективного расследования является сердцевинной предполагаемого нарушения. Она имеет свою особую сферу применения, которая может действовать независимо от материально-правовой части статьи 2, касающейся ответственности государства за любую незаконную смерть или опасное для жизни исчезновение, о чем свидетельствуют многочисленные дела, вынесенные Судом по делу о процессуальном нарушении. в отсутствие какого-либо вывода о том, что представители государства несут ответственность за применение смертоносной силы (см., среди многих примеров, *Финукейн против Соединенного Королевства*, нет. 29178/95, ЕСПЧ 2003-VIII).

Суд очень четко заявил, что характер заявленного права имеет отношение к его юрисдикции. Суд заявил, что «продолжающийся характер» соответствующих нарушений «имеет последствия для *Рациональное время* юрисдикции Суда» (там же, § 139). Мы считаем, что Суд, имея стандартную процедуру оценки своего *Рациональное время* юрисдикция, которая четко выражена в *Блечич* судебное решение (относительно утраты имущества как мгновенного акта) также должно соответствовать характеру запрашиваемого права.

12. Наконец, вспоминается, что открытие нового материала после критическая дата может привести к новому обязательству по расследованию. Мы полностью поддерживаем эти принципы, которые хорошо зарекомендовали себя в прецедентной практике Суда.

13. К сожалению, эти самые принципы были неправильно применены к фактам рассматриваемого дела (см. пункты 142-44 решения большинства).

Процедурные недостатки

14. Обращаясь к фактам дела, Суд кратко отмечает, что «невозможно на основании информации, имеющейся в материалах дела и в объяснениях сторон, установить какие-либо реальные следственные действия после 5 мая 1998 г.» (см. пункт 159 постановления). При этом, по нашему мнению,

большинство не только упускает из виду тот факт, что судебное разбирательство продолжалось до вынесения решения от 2004 года (см. пункт 45), которое было подтверждено в 2009 году (см. пункт 60), но также не придавало должного значения существенным недостаткам в расследовании смертей, явным противоречиям между различными разбирательствами и частично произвольному поведению российских властей.

15. В 2004 г. внутреннее разбирательство привело к классификации тридцать шесть томов соответствующих дел под грифом «совершенно секретно»; еще восемь томов были классифицированы как «только для внутреннего пользования» (см. пункт 45). Судьи Шпильманн, Виллигер и Нуссбергер справедливо сочли «непоследовательным и, следовательно, шокирующим» тот факт, что «то, что изначально было прозрачным расследованием, закончилось полной секретностью» (см. 8). Кроме того, Правительство Российской Федерации отказалось предоставить Суду копию постановления Главной военной прокуратуры от 21 сентября 2004 г., в котором было принято решение о прекращении уголовного дела № 101. 159 в происхождении массовых захоронений в Харькове. Засекреченность решения была приведена в качестве оправдания для этого отказа (см. пункты 45 и последующие решения).

16. Отсутствие прозрачности в отношении заявки на

рассекречивание решения представляет собой лишь один из недостатков внутригосударственного судопроизводства. К другим недостаткам жалобы по статье 2 относятся неспособность российских властей учесть разницу между числом фактически убитых и тех, кого они считали «погибшими», а также отсутствие прозрачности в отношении отказа в предоставлении заявители статус потерпевших. Кроме того, признание российскими военными судами родственников заявителей «пропавшими без вести» нелогично, учитывая, что российская прокуратура ранее подтвердила казнь этих лиц (см. пункт 122). Кроме того, национальные власти не провели расследование, «направленное на выявление преступников и привлечение их к ответственности». Несмотря на то, что по крайней мере двое из причастных к делу должностных лиц были живы в 1990-е годы (см. пункт 119). Наконец, российские власти утверждали, что внутригосударственное разбирательство не могло проводиться в соответствии со стандартами уголовно-процессуального права, поскольку оно проводилось «по политическим мотивам, как жест доброй воли по отношению к польским властям» (см. пункты 109 и 111). Такое «освобождение» производства от процессуальных требований статьи 2 является произвольным и несостоятельным. Еще одним доказательством в целом нежелания сотрудничать со стороны российских властей является произвольный отказ в реабилитации родственников заявителей (см. пункты 86 и последующие). Эти Российские власти утверждали, что внутригосударственное разбирательство не могло проводиться в соответствии со стандартами уголовно-процессуального права, поскольку оно проводилось «по политическим причинам, как жест доброй воли польским властям» (см. пункты 109 и 111). Такое «освобождение» производства от процессуальных требований статьи 2 является произвольным и несостоятельным. Еще одним доказательством в целом нежелания сотрудничать со стороны российских властей является произвольный отказ в реабилитации родственников заявителей (см. пункты 86 и последующие). Эти Российские власти утверждали, что внутригосударственное разбирательство не могло проводиться в соответствии со стандартами уголовно-процессуального права, поскольку оно проводилось «по политическим причинам, как жест доброй воли польским властям» (см. пункты 109 и 111). Такое «освобождение» производства от процессуальных требований статьи 2 является произвольным и несостоятельным. Еще одним доказательством в целом нежелания сотрудничать со стороны российских властей является произвольный отказ в реабилитации родственников заявителей (см. пункты 86 и последующие). Эти

недостатки делают внутреннюю процедуру недостаточной в отношении требований статьи 2 Конвенции.

Отдельные нарушения статьи 38

17. В этом контексте важно отметить, что, насколько нам известно, насколько известно, это первый случай в истории Суда, когда было установлено отдельное нарушение статьи 38. До сих пор все дела, в которых Суд установил, что государство не выполнило обязательства по статье 38, также касались другого права Конвенции (в основном статьи 2 или 3), которое Суд признал нарушенным. С одной стороны, настоящее решение подчеркивает автономный характер обязательства сотрудничать. С другой стороны, это вызывает определенные подозрения в отношении вывода, касающегося статей 2 и 3. В других случаях, когда непредставление государством информации Суду приводило к установлению нарушения статьи 38, Суд связывал это несоблюдение с «делать выводы относительно обоснованности утверждений заявителя» в отношении других статей, на которые он ссылался (см. *Тимурташ против Турции*, нет. 23531/94, §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI, и *Битиева и Х против России*, нет. 57953/00 и 37392/03, § 122, 21 июня 2007 г.).

Открытие нового материала

18. Наконец, большинство утверждает, что открытие нового материала после критическая дата может повлечь за собой новое обязательство по расследованию, но — если инициирующее событие находится за пределами временной юрисдикции Суда — только в том случае, если выполняется либо критерий «подлинной связи», либо критерий «условных ценностей» (см. пункт 144). Эта связь между инициированием нового обязательства по расследованию и *Шилих* принципы не так просты, как кажется на первый взгляд. Например, в *Станимирович против Сербии* (нет. 26088/06, §§ 28 и последующие, 18 октября 2011 г.) появление существенных новых доказательств кажется альтернативой, а не совокупностью этих принципов. То же самое верно для *Мрденович против Хорватии* ((дек.), № 62726/10, 5 июня 2012 г.).

19. В этом контексте необходимо упомянуть события 1998 г. и 2004 г. (см. пункт 121), и, в частности, обнаружение «Украинского списка» в 2002 году (см. пункт 113). Кроме того, 2010 г. стал решающим в судебном разбирательстве, и это по двум причинам: во-первых, обнародование важных исторических документов на сайте Российского государственного архива 28 апреля 2010 г. продемонстрировало изменение позиции российских властей, которое дало некоторую надежду заявителям (см. пункт 24); во-вторых, мы считаем знаменательным тот факт, что российская Дума приняла заявление о катынской трагедии 26 ноября 2010 года, то есть более чем через двенадцать лет после судьбоносной даты. Для национального парламента необычно признать ответственность за грубые нарушения прав человека. Изменение позиции России является жизненно важным шагом в этом процессе.

примирения с прошлым. Дума признала не только то, «что массовое истребление польских граждан на территории СССР во время Второй мировой войны было произволом тоталитарного государства», но и то, что «катынское преступление было совершено по прямому приказу Сталина и других советских руководителей». ", но подчеркнул, что работа по установлению фактов "должна быть продолжена". Мы рассматриваем заявление Думы как четкий политический сигнал нового подхода российского правительства, подхода, желающего раскрыть все обстоятельства трагедии.

(б) Второй Шилих принцип: тест «настоящая связь»

20. Что касается «подлинной связи» между триггерным событием и вступления в силу Конвенции в отношении государства-ответчика, вывод большинства подчеркивает временной элемент и, ссылаясь на классические случаи исчезновения, повторяет, что рассматриваемый период не должен превышать десяти лет (см. пункт 146). В исключительных обстоятельствах вывод большинства разрешает продление срока еще дальше в прошлое, но только «при условии, что требования критерия «Конвенционные ценности» были соблюдены» (там же).

21. Мы не согласны с такой интерпретацией «подлинной связи». тест. Исключительные обстоятельства, допускающие продление срока, должны толковаться отдельно от третьего Шилих принцип. В противном случае два условия сливались бы воедино и не имели бы самостоятельного значения. Кроме того, такое толкование явно несовместимо с международным правом в случае военных преступлений, и Суд в своем толковании Конвенции должен уважать международное право. Например, в *подготовительные работы* Конвенции, в 1950 году Комитет экспертов поручил составить проект Конвенции, обеспечивающей коллективные гарантии прав человека и основных свобод, разъяснил, что в соответствии с международным правом об ответственности государств «судебная практика европейского Суд никогда... не введет какой-либо новый элемент или элемент, противоречащий существующему международному праву».¹ Таким образом, история Конвенции показывает, что она не была предназначена для изолированного функционирования, а вместо этого предназначалась для согласования с международным правом. Этот принцип хорошо зарекомендовал себя в судебной практике Суда:

«По мнению Суда, принципы, лежащие в основе Конвенции, не могут толковаться и применяться в вакууме. Помня об особом характере Конвенции как договора о правах человека, она должна также учитывать любые соответствующие нормы международного права при разрешении споров, касающихся ее юрисдикции в соответствии со статьей 49 Конвенции (статья 49)». (видеть *Лоизиду против Турции* (заслуги), 18 декабря 1996 г., § 43 *Отчеты о суждениях и решениях* 1996-VI)

1. Комментарий к статье 39 (43) (новой) в *Сборник «Подготовительных материалов» Европейской конвенции о правах человека*, 8 томов, Гаага, 1975-1985 гг., том. IV, в 44.

В Нада против Швейцарии [ГК], нет. 10593/08, § 169, ECHR 2012), Суд уточнил это, заявив:

«Более того, Суд повторяет, что Конвенцию нельзя толковать в вакууме, она должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. Следует принимать во внимание, как указано в статье 31 § 3 (с) Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека...»

22. Катынский расстрел, несомненно, следует квалифицировать как войну. преступление (см. пункт 140 решения Палаты и пункт 6 совместного частично особого мнения судей Шпильмана, Виллигера и Нусбергера в решении Палаты)². Суд недавно указал:

«[К] маю 1944 года военные преступления были определены как действия, противоречащие законам и обычаям войны, и что международное право определило основные принципы, лежащие в основе этих преступлений, и широкий круг действий, составляющих эти преступления. Государствам, по крайней мере, разрешалось (если не требовалось) предпринимать шаги для наказания лиц за такие преступления, в том числе на основании командной ответственности. Следовательно, во время и после Второй мировой войны международные и национальные трибуналы преследовали солдат за военные преступления, совершенные во время Второй мировой войны». (видеть *Кононов против Латвии* [ГК], нет. 36376/04, § 213, ЕСПЧ 2010 г.)

Это заявление Суда отражает соответствующее состояние международного права уже в 1940-х годах. С тех пор обязательство расследовать серьезные нарушения международного гуманитарного права и преследовать их в судебном порядке стало более заметным и подробным. Мнение большинства правильно относится к Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности (см. пункт 151). В статье IV этой Конвенции разъясняется соответствующее обязательство, а также принцип, согласно которому сроки давности не применяются в отношении обязательства преследовать виновных в судебном порядке.

23. Также в отношении сроков давности для разбирательств, связанных с военными действиями. преступлений, уместно напомнить о статье 7 § 2 Конвенции. Давно устоявшееся понимание Суда, основанное на *подготовительные работы* к Конвенции было:

«Цель второго абзаца статьи 7 состояла в том, чтобы указать, что статья 7 не затрагивает законы, которые в совершенно исключительных обстоятельствах в конце Второй мировой войны были приняты для наказания, *среди прочего* военных преступлений, так что статья 7 никоим образом не направлена на юридическое или моральное суждение об этих законах (см.

Х. против Бельгии, нет. 268/57, решение Комиссии от 20 июля 1957 г., Yearbook 1, p. 241). Далее Суд отмечает, что определение военных преступлений, включенное в статью 6(b) [Устава Международного военного трибунала (Нюрнбергский устав)], было признано декларативным в отношении международных законов и обычаев войны, как они понимались в 1939 году... " (видеть *Кононов*, упомянутое выше, § 186)

2. См. также В. А. Шабас, «Правосудие Виктора: выбор «ситуаций» в Международном уголовном суде», 43. *Обзор закона Джона Маршалла* 535, в 536.

Другими словами, Конвенция не препятствует принятию законов, направленных на наказание за военные преступления. Как отмечалось в предыдущем пункте, он также признает, что такое обязательство существует в соответствии с международным правом. В своем решении в *Колк и Кислый против Эстонии* (дек.), нр. 23052/04 и 24018/04, ECHR 2006-I) Суд отметил, что срок давности не применяется к преступлениям против человечности, независимо от даты их совершения.

24. Мы хотели бы отметить, что, хотя у заявителей есть неоспоримый заинтересованный в выяснении судьбы членов их семей, столь же очевидно, что обязанность расследовать и преследовать в судебном порядке лиц, виновных в грубых нарушениях прав человека и серьезных нарушениях гуманитарного права, служит фундаментальным общественным интересам, позволяя нации извлекать уроки из своей истории и борясь с безнаказанностью. В ряде международных документов признается, что «не может быть справедливого и прочного примирения, если не будет эффективно удовлетворена потребность в справедливости» и что «для этой цели должны быть приняты национальные и международные меры с целью обеспечения совместного, в интересы жертв нарушений, соблюдение права знать и, как следствие, права на установление истины, права на правосудие и права на возмещение ущерба, без которых не может быть эффективного средства защиты от пагубных последствий безнаказанности» (см. обновленный свод принципов Комиссии ООН по правам человека по защите и поощрению прав человека посредством действий по борьбе с безнаказанностью, UN Doc. E/CN.4). /2005/102/Add.1). Право на установление истины является «жизненно важной гарантией от повторения нарушений» и защищает коллективную память пострадавших людей, которая является частью их наследия (там же).

25. Аргумент российского правительства (см. пункт 110

судебное решение) о том, что не существовало обязывающего международного гуманитарного права в отношении определения ответственности за военные преступления и преступления против человечности, несостоятельна. В то время обычное международное право, кодифицированное Гаагской конвенцией IV 1907 года и Женевской конвенцией 1929 года, которые недвусмысленно требовали гуманного обращения с военнопленными, применялось ко всем заинтересованным государствам.

26. Хотя в 1907 г. Россия существовала при другом политическом режиме, Именно это государство выступило инициатором конференций, приведших к принятию Гаагских законов: российский царь Николай II созвал в 1899 г. в Гааге Международную мирную конференцию, которая на второй встрече в 1907 г. приняла Гаагскую конвенцию IV³. Российская империя была одной из первых сторон, подписавших Гаагскую конвенцию, и ратифицировала ее 27 ноября 1909 г. Имеются также значительные свидетельства, свидетельствующие в пользу тезиса о том, что Российская Федерация продолжает правосубъектность бывшего СССР, унаследовав взятые на себя обязательства. при советской власти⁴. В *Илашку и другие против*.

3. Преамбула к Заключительному акту Международной мирной конференции, Гаага, 29 июля 1899 г., и Заключительный акт Второй мирной конференции, Гаага, 18 октября 1907 г.

4. См. X. Хамант, *Démembrement de l'URSS и проблемы наследования государства*,

Молдова и Россия [ГК], нет. 48787/99, § 378, ECHR 2004-VII) Суд также вначале отметил, что Российская Федерация является государством-правопреемником СССР по международному праву. В международном праве не вызывает сомнений, что, несмотря на смену власти, Россия всегда существовала как одно и то же государство.

27. Однако даже в соответствии с правилами правопреемства государств необходимо привести аргумент, что СССР был связан международными обязательствами царской России. В соответствии с международным публичным правом солидный объем литературы и практики говорит об освобождении государств от обязательств по договорам о правах человека. *чистая доска* договоровных обязательств нового государства: эти обязательства не заканчиваются ратифицировавшим государством, а передаются его государству-преемнику⁵. Например, Комитет по правам человека считает:

«[После] того, как народу предоставляется защита прав в соответствии с Пактом, такая защита передается вместе с территорией и продолжает принадлежать ему, несмотря на смену правительства государства-участника, включая... правопреемство государств...»⁶

При этом необходимо отметить, что в 1954 г. СССР ратифицировал Женевские конвенции 1949 г. На Нюрнбергском процессе советский прокурор попытался обвинить ведущих нацистов в Катынском расстреле, тем самым показав, что Россия считает запрет военных преступлений, подобных тем, о которых идет речь, обязательным принципом международного права (см. § 140 решения Палаты). В соответствии как с нормами непрерывности государств, так и с нормами правопреемства государств, а также с учетом применимых норм обычного права утверждение правительства о том, что оно не связано международным гуманитарным правом в отношении военных преступлений, таким образом, нарушает принцип *venire contra factum proprium*. В свете вышеизложенного мы должны окончательно признать, что резня польских военнопленных в 1940 году представляла собой нарушение запрета на военные преступления и преступления против человечности. Согласно обычному международному гуманитарному праву,

Брюлант, 2007, с. 128. Поддержку этому аргументу можно найти в признании СССР в 1955 г. обязательств по Гаагской конвенции, взятых на себя царской Россией (советская нота Нидерландам, цит. по: GB Baldwin, *A New Look at the Law of War: Limited War and Field Manual 27-10*, 4 *Обзор военного права* (1959), стр. 1-38). 5. М. Т. Камминга, «Правопреемство государств в отношении договоров о правах человека», 7 *Европейский журнал международного права* (1996) 469-484, стр. 472 и далее; Ф. Покар, «Некоторые замечания о преемственности прав человека и договоров международного гуманитарного права», в Э. Канниццаро, *Право договоров, выходящих за рамки Венской конвенции*, Oxford University Press: Oxford 2011, стр. 292 и далее.

6. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка 26 (61) о непрерывности обязательств, CCPR/C/21/Rev.1/Add.8/Rev.1, 8 декабря 1997 г., пункт 4.

7. Таблица ратификаций Конвенции (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих вооруженных силах, Женева, 12 августа 1949 г., доступна по адресу: <http://www.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesParties&xp_treatySelected=365>, по состоянию на 26 августа 2013 г.

Государства обязаны «расследовать военные преступления, предположительно совершенные их гражданами или вооруженными силами либо на их территории, и, при необходимости, привлекать к ответственности подозреваемых».⁸ Это обязательство не имеет срока давности, поскольку военные преступления и преступления против человечности не имеют срока давности.⁹

28. Наконец, пункт 148 решения следует читать с некоторым осторожностью. Мы согласны с тем, что *принципы* критерия, упомянутые в нем, должны быть соблюдены, то есть между смертью и вступлением Конвенции в силу для соответствующего государства должно пройти лишь короткое время, и основная часть расследования должна быть проведена или должна быть проведена быть осуществлены после вступления в силу. Однако в ситуации, подобной той, что была в данном случае, когда национальные власти более сорока лет отрицали какую-либо связь с катынскими преступлениями или ответственность за них, простое подсчет лет приводит к абсурдному результату. В частности, заявителей не следует обвинять в тупиковой ситуации, когда любые процессуальные действия были полностью заблокированы, а у потерпевших не было ни малейшей надежды добиться какого-либо прогресса в выяснении виновных в смерти их родственников.

29. Вышеизложенного достаточно, чтобы мы пришли к выводу, что Суд должен был признать свою юрисдикцию *Рациональное время* на основе первых двух *Шилих* Принципы в этом случае. Однако, даже если отрицать существование «подлинной связи», мы считаем, что этот случай идеально подходил для применения так называемой «гуманитарной оговорки».

(с) Третий Шилих принцип: «гуманитарная оговорка»

30. По третьему *Шилих* принципу, соединения может не быть квалифицированы как «подлинные», но, тем не менее, могут быть достаточными для установления юрисдикции Суда, если «необходимо обеспечить, чтобы гарантии и

8. Дж.-М.Хенкертс и Л. Досвальд-Бек (ред.), *Обычное международное гуманитарное право, Том I: Нормы*, Издательство Кембриджского университета: Кембридж, 2005 г., правило 158, с. 607; Первая Женевская конвенция (Конвенция I) об улучшении участи раненых и больных в действующих вооруженных силах, Женева, 12 августа 1949 г., 195 государств-участников, в силе с 21 октября 1950 г.), ст. 49; Вторая Женевская конвенция (Конвенция II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 г., 195 государств-участников, в силе с 21 октября 1950 г.), ст. 50; Третья Женевская конвенция (Конвенция III) об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г., 195 государств-участников, в силе с 21 октября 1950 г.), ст. 129; Четвертая Женевская конвенция (Конвенция IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г., 195 государств-участников, в силе с 21 октября 1950 г.), ст. 146; Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2583 (XXIV) от 15 декабря 1969 г. и 2712 (XXV) от 15 декабря 1970 г.; Принципы международного сотрудничества Организации Объединенных Наций в обнаружении, аресте, выдаче и наказании лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности, принятые резолюцией 3074 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1973 года.

9. Сравните Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 г., United Nations Agreement Series vol. 754, с. 73, действует с 11 ноября 1970 г., 54 государства-участника.

основополагающие ценности Конвенции защищены реальным и эффективным образом» (см. пункт 141 постановления).

31. Мы согласны с описанием «базовых ценностей

Конвенции», примененное решением Палаты (см. пункт 119 этого решения) и повторенное большинством (см. пункт 150 настоящего решения). «Гуманитарная оговорка» позволяет Суду признавать свою юрисдикцию в случаях грубых нарушений прав человека более крупного масштаба, чем те, которые являются результатом обычных уголовных преступлений, то есть событий, подпадающих под определение военных преступлений, геноцида или преступлений против человечности, содержащихся в соответствующих международных документах.

32. Однако Суд не применяет гуманитарную оговорку, утверждая, что его «нельзя применять к событиям, которые произошли до принятия Конвенции 4 ноября 1950 года» (см. пункт 151). Этот стэнд является наиболее проблематичным по нескольким причинам.

33. Во-первых, если решающее предложение в пункте 151 решения означает то, что он говорит, большинство должно было остановить экзамен именно в этот момент. Другими словами, рассмотрение событий после ратификации Конвенции государством-ответчиком в пунктах 158 и 159 является излишним, если не противоречивым. Во-вторых, такое толкование «гуманитарной статьи» закрывает Суду двери перед жертвами любого грубого нарушения прав человека, имевшего место до существования Конвенции, хотя сегодня ясно признано, что заинтересованные государства несут постоянное процессуальное обязательство установить факты, найти виновных и наказать их. В-третьих, позиция большинства противоречит принципу, хорошо зарекомендовавшему себя в прецедентной практике Суда, а именно, что Конвенция не должна толковаться изолированно, *Нада* упомянутое выше, § 169; *Аль-Адсани против Соединенного Королевства* [ГК], нет. 35763/97, § 55, ЕСПЧ 2001-XI; и *Аль-Джедда против Соединенного Королевства* [ГК], нет. 27021/08, §§ 76 и 105, ECHR 2011). В пункте 151 Суд проводит искусственное различие между соответствующим международным правом и Конвенцией, находя, что оговорка о «конвенционных ценностях» неприменима к событиям, имевшим место до принятия Конвенции в 1950 году. В предыдущем деле такого разграничения не проводилось. -права, которое не давало Суду возможности рассмотреть дело, потенциально подпадающее под действие пункта «Конвенционные ценности» (см. пункт 149). Наконец, следует отметить, что убийства, совершенные в 1940 году, также на момент их совершения являлись нарушением обязательств властей по обычному международному праву.

34. Таким образом, мы согласны с тем, что «тяжесть и размах военных преступлений совершенные в 1940 году в Катыни, Харькове и Твери, в сочетании с позицией российских властей после вступления в силу Конвенции, требуют применения оговорки об особых обстоятельствах в последнем предложении пункта 163 [Конвенции *Шилих* судебное решение]» (см. решение Палаты, совместное частичное

особое мнение судей Шпильманн, Виллигер и Нусбергер, пункт 4). Согласно пункту 2 статьи 32 Конвенции (см. пункт 3 выше), Суд правомочен определять свою собственную юрисдикцию. Этим решением Суд упустил возможность выполнить именно эту задачу и, таким образом, поддержать положение о «Конвенционных ценностях» в *Шилих* принципы. Тем самым он лишил эту оговорку ее гуманитарного действия в данном случае и потенциально ослабил ее действие в случае ее применения в будущем. Такой подход несостоятелен, если система Конвенции должна выполнять ту роль, для которой она была предназначена: обеспечить суд, который действовал бы как «совесть» для Европы.¹⁰

35. В соответствии со своим предназначением быть совестью Европы, Конвенция призвана гарантировать «не теоретические или иллюзорные права, а практические и эффективные права» (см. *Станев против Болгарии* [ГК], нет. 36760/06, § 231, ЕСПЧ 2012 г.). Толкование гуманитарной оговорки большинством противоречит самой этой цели. Мы сожалеем о том, что большинство интерпретирует гуманитарную оговорку самым негуманным образом.

III. Заключение

36. Мы выражаем глубокое несогласие и недовольство

выводы большинства по этому делу, делу о самых отвратительных нарушениях прав человека, которые превращают долгую историю откладывания правосудия в отношении заявителей в постоянный случай отказа в правосудии.

¹⁰Заявление Линн Ангед-Томас (Соединенное Королевство) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы, Страсбург, в *Сборник «Подготовительных материалов» Европейской конвенции о правах человека*, том. II, с. 174.